

THE HORUS HERESY

THE PRIMARCHS

Edited by Christian Dunn

THE MILLION-SELLING NOVEL SERIES

ПРОЧНОСТЬ ЖЕЛЕЗА

•••

Ник Кайт

Действующие лица

Х легион «Железные Руки»

•••

Феррис Танус, притарх

Габриэль Сантар, адъютант и Первый капитан

Баакал Дессан, капитан Девятой клановой роты Морлоков

Эразм Рутан, Железнотелый, Тринадцатая клановая рота Морлоков

Шадрак Медузон, капитан Десятой клановой роты

Бион Хенрикос, Седьмой сержант Десятой клановой роты

•••

Ксеносы

Ламсариал, эльдарский провидец

«Прорицатель», эльдарский провидец

— Какое имеет значение, почему он пал?

Когда сперть — это все, что имеет значение.

• • •

— ответ провидца Ламсариала изучавшему Путь.

• • •

Выкованный из железа

Не предполагалось, что она будет такой. По его мнению, война не должна заканчиваться так. Он представлял ее иначе.

Славной, доказывающей... мстительной.

Мне не полагалось потерпеть здесь неудачу.

Он не собирался быть последним. Он ненавидел быть последним. Это раздражало, как зуд вокруг шеи.

Как бы он не стягивал маслом кожу под

горжетом, или не тенял способы фиксации
замков, зуд не
проходил.

Как клинок на тоем горле...

Зуд начался с его первого шага по пустыне.
Отдаленное напоминание о чем-то еще
незаконченном, обещание, которое его
воображаемый палач должен сдержать.
Песок был

повсюду, бесконечный океан колышущихся
песчинок, отбеленных беспощадным
солнцем,

протянулся до самого размытого
горизонта. В его снах песок был черным.

Такие обреченные мысли сорвали
недостойные слова с поджатых губ.

- Я - ровня своим братьям, - пробормотал
он в темноту, которая не соизволила
ответить.

- И лучше некоторых, - добавил он.
Равнодушные тени по-прежнему не
обращали внимания.

С тех пор как он рассеял тьму огненным
следом, все неизменно сводилось к этой

единственной
истине.

— Я должен быть первым.

Внутреннее убранство сухопутного корабля и стратегиума было черного цвета, как и его

настроение. Монотонный повтор тысячи толотов звенел в бронированных бортах, тогда как траки, движущие его левиафан, гремели по пустыне безжалостной синкопой. Сквозь постоянный грохот раздавался приглушенный гул тяжелой артиллерии. Это напомнило ему кузню ее закопченные

недра, Анвилариум на борту «Железного Кулака». Как он страстно желал в этот момент уединения

своего личного реклюзиата. С внутренней стойкостью пришла сила и ушла слабость.

Слабость заслуживала ненависти. Ей не было места в новом Империуме.

Когда гололит затерцал, показывая возникающий образ в зернистом сером разрешении, он

догадался, что ненавидел более всего
слабость внутри. Он сетовал не на недуг,
социальное или

психологическое отклонение, а скорее на
саму плоть и все присущие ей ограничения.

Я буду подобен железу.

Фокусировка обратила зернистый
голос в две фигуры.

Феррис Танц сердито взглянул на обоих
из тускло освещенных теней. Для него и
его сил

кампания на Один-Пять-Четыре Четыре
протекала неудачно.

Когда он обратился к своим гостям, его
голос был тверд, как гранит.

- Братья.

...

Спуск в пустынную впадину не был легок.
Из-за постоянно движущихся дюн и
пагубного

воздействия песка на двигатели большая
часть танковых дивизий Армии и клав
Механикума

потеряли боеспособность.

Гусеничные машины увязли возле вершины склона, наполовину погрузившись в песок.

Один

средний танк встал на нос и перевернулся, из-за чего вся колонна со скрежетом остановилась.

Даже у двухногих шагоходов дела шли не лучшие, и разбитые остовы нескольких «Часовых»

оказались на дне пустынной впадины, раныше любого пехотинца. Следовавшие за ними не

обратили внимания на их сгоревшие обломки.

Поэтому принять бремя битвы выпало более стойким и искусным воинам.

— Принесем им железо и стерть! — закричал Габриэль Сантар с механическим эхом в голосе, давая команду наступать.

Армия Железных Рук ответила, двигаясь в унисон. Из их оружия вырвалось сияние потрескивающих залпов.

Навстречу им катилась орда громадных

насекомоподобных существ, покрытых хитином, а за ними десятки воинов в плащах, которые первыми выскочили из засады.

Эльдары.

Полыхнули дульные вспышки, заговорил низкий рокот артиллерии, и горячий воздух в пустынной впадине разорвал ураган снарядов.

Первая волна толстокожих и массивных хитиновых тварей была медленной, но живучей. Снаряды обрушились на их массивные тела, но оставляли на них только зазубрины. Они без промедлений

прошли сквозь сultаны от взрывов ракет и гранат. Как и их меньшие собратья, они выпрыгивали

из пустыни в клубах поднятого песка и сунули гнусавые звуки. Горбатых и крепких,

размером с имперский танк, зверей направляли эльдары, пользовавшиеся, по предположению

Сантара, некой формой тенитального
принуждения.

Столь чуждая технология вызывала
отвращение, но Первый капитан знал, что
они - не настоящий
авангард.

Автомочувства шлема зарегистрировали
едва заметные колебания в виде
незначительных
сейсмических аномалий в тектонической
структуре впадины, которые неуклонно
росли в силе.

Под ними прокладывали туннели роющие
существа, быстро приближаясь к линии
Железных Рук.

Атаку предвещала серия подземных
взрывов. Пока Легионес Астартес
наступали стойкими рядами
черного и стального керамита, из клубов
песка появились твари - быстрые,
змееподобные и
абсолютно непохожие на стройные ряды
Железных Рук. Определить истинную
природу этих

терзостей было сложно. Пустыня окутала зверей и их хозяев частичной пеленой, но сверкнувший

из запрещенных копий замаскированных наездников потрескивающий залп был заметен. Это

своего рода кавалерии, понял Сантар, только самого худшего вида.

Сантар нахмурился, и его лицо окаменело. Он увидит, как их сорвут с лица пустыни.

Вокруг него полыхнули залпы стрелкового оружия и легкой артиллерии. Первый капитан поднял

толстивый коготь вверх и повел роты Морлоков на наступающих товарей. Солнечный свет

отразился от клинков и заблестел на темном металле доспеха.

На дистанции элитные воины были грозны; в ближнем бою - неодолимы.

Чужие, казалось, не поняли этого, но скоро их научат.

- Будьте как железо! - заревел он, когда эльдары обрушились на них.

Зверь, чье длинное сегментированное туловище было прикрыто крепким коричневым панцирем, бросился на Первого капитана, пытаясь откусить ему руку. Сантар уклонился от выпада и рассек ему торду, пролив тягучую зеленую жидкость на щелкающие жвалы и фасеточные глазные впадины. Второй удар с гулом бионической автоматики отсек бритвенные клешни, вызвав пронзительный вопль из стороженной пасти твари.

Ее наездник - эльдар в песочного цвета плаще и серовато-коричневом доспехе, который был отражением естественного панциря твари - воспользовался электрокопьем. Но Сантар рассек несчастного, прежде чем том смог сделать выпад.

Сервоприводы в его механизированных имплантатах завыли, придавая

дополнительную силу и

без того исключительной физиологии.
Сантар разрубил голову второго
хитинового червя, пока

первый все еще падал. Сквозь фонтаны
крови из разреза на шее он увидел
капитана Вакала

Десаана, который возглавлял другую роту,
затем Габриэль выпотрошил третьего
монстра.

Зверь и наездник рухнули. За ними
приближались другие. Они неслись перед
более крупными,

похожими на жуков монстрам, оставляя на
поверхности пустыни клюбы пыли.

На его ретинальном дисплее было
отмечено, по крайней мере, четыре
дюжины вражеских

контактов. Слабо горящие сигнатуры,
заглушенные песком, подсказывали, что
еще восемьдесят

были под землей. За ними следовал отряд
пехотинцев в серовато-коричневых плащах

антигравитационным оружием, и воздух
наполнился визгом их орудий.

В ответ закованные в железо Морлоки
дали мощный залп, грохочущее сочетание
их болтерного

огня издало свирепый звон. Занятая центр
боевого порядка, они не собирались
уступать. Их

терминаторские доспехи "Катафракт",
созданные из усиленных пластин, с
похожими на бочки

наплечниками, украшенными птеругами,
которые покрывали более тонкие и искусно
сделанные

наручи, были почти непробиваемы для
оружия чужих. Предназначенные для
фронтального

штурма - тактики, в которой Железные
Руки преуспели - доспехи делали их
гигантами. Громадные

и непреклонные, они безнаказанно шагали
сквозь град выстрелов из тяжелых
энергетических

арбалетов, термоядерных бластеров и

сюрикенных орудий.

Для победы над хитиновыми червями потребовалось небольшое усилие, твари были истреблены без какого-либо ущерба.

-- Они явно не сражались с терминаторами прежде, -- сказал Десант по радиосвязи.

-- Просто убивай их, брат. Так эффективно, как умеешь. -- Замечание Сантара было быстроим, но ясным. Доспехи "Катафракт" были редкими для Легионов, но Железные Руки гордились им

большим количеством, особенно среди клановых рот Авернии - Морлоков. Броня была

громоздкой, сродни ношению средневекового танка без траков, но сохранившая его устойчивость и

убойную силу. Сантар упивался механической силой, которую давал ему доспех. Они все упивались.

Удары Железных Рук обрушивались, как метрономы: точно, методично и без лишних движений.

Это была функциональная боевая доктрина: безжалостная и неумолимая. Эльдары дрогнули перед ней.

Сообща с капитаном Десантном Сантар усилив написк. Тяжелобронированные Морлоки прошлись катком по дюнам. Никому не удалось избежать их ярости, карающей в абсолютной.

На ретинальном дисплее Первого капитана запрыгали возобновившиеся колебания, отмечая новых проходчиков. Сначала он ожидал вторую волну хитиновых червей, но понял свою ошибку,

когда колебания стали более громкими и резонирующими.

- Приготовиться к отражению атаки, - рявкнул он по радиосвязи.

Обе роты Морлоков построились в линию

с безупречной согласованностью, наведя
оружие на
тертвое пространство перед собой.
Болтерный ураган стих, позволив
помрепаннным эльдарам
спешно отступить за барьер их
громадных существ.

Прищуренные глаза Сантара позади
безжалостных линз боевого шлема обещали
покарать этих
трусов позже.

Артиллерия Артии заняла позиции на
гребне возвышенности. Канониры
прицелились и обрушили
огонь на взбесившихся хитиновых
монстров, подтянувших под себя эльдаров.

Он знал, что следующая волна
приближается.

- Никакой пощады, - сказал он своим
воинам.

Трешины всеяли дно песчаной долины,
поглотив тушки тертвых хитиновых
червей и их убитых
наездников, когда появилась гораздо

крупнее по размерам разновидности подземных тварей.

Массивные клемши и жало на конце змеиного тела придавали им вид скорпионов, о которых

Сантар слышал от легионеров Восемнадцатого перед развертыванием на Один-Пять-Четыре

Четыре. Видимо подобная тварь обитала на их вулканической родине. Это тало значило для

Первого капитана; ему просто нужно было знать, как убить их.

Потрескивающая линия болтерного огня хлестнула по груди существа, но снаряды не смогли ее

пробить и взорвались со слабым эффеクトом на прочном экзоскелете.

Один взглянул на ядовитое жало и зашуренные когти на ребристом теле, сказал Сантару, что эти твари смогут пробить силовой доспех. Теоретически было возможно, что они также могут ранить

терминалоров. Он решил проверить версию, но не прежде, чем немногим проредит ряды нападавших.

Сантар вызвал Эразма Рүтмана по радиосвязи.

Железнотельный ответил немедленно: - К твоим услугам, Первый капитан.

Сантар мысленно отметил кроваво-красным крестом приближающихся скорпионоподобных существах.

И нашим железным кулаком...

- Тяжелым дивизионам обстрелять этот район, - проскрежетал он машиноподобной подглядящей,

мысленно передав координаты. - «Рапиры» и ракетные установки.

Взгляд и сжатый кулак Сантара, обращенные к Десаану, остановили капитана Морлоков и обе роты терминалоров.

Несколько секунд спустя артиллерийский ураган осветил пустынную впадину

ослепительно-белым

светом, таким ярким, что он почти перегрузил ретинальные глашатеи боевого шлема Сантара.

... ты обрушил такую ярость.

Он быстро споргнул остатки слепоты и шагнул в затянутую дылом зону обстрела.

Под ногами

хрустел расплавленный песок, а края ботинок облизал огонь, когда он раздавил пылающий

эльдарский череп.

— Вперед, клан Авернии. — Он дал сигнал Десанту и терминаторам.

После залпа Рүтана от сотен чужаков осталось несколько десятков.

Скорпионообразные почти

все были уничтожены. Осталось несколько упорных защитников вместе с тварями, зарывшихися

достаточно глубоко, чтобы пережить обстрел. Они сражались среди тлеющих тел своих павших,

но эти напоминания об их стертиности

казалось, только придавали смелости тварям вместо того, чтобы вселить страх.

Сантар сокрушит врагов, несмотря на их стойкость.

Тысяча легионеров последовала за ним – к Морлокам присоединились резервы Железных Рук в

количестве более чем достаточном, чтобы истребить непокорный отряд ксеносов. Сантар быстро

провел оценку тактической диспозиции своих сил.

Морлоки удерживали центр, в то время как правый фланг занимал Шаграк Медузон и его рота.

Левый был сжат в твердом кулаке Рүтана и еще одной роты тяжелой поддержки. Несмотря на

присутствие медленных терминаторов, наименее подвижными были части Железнотелого. Логика

советовала косой боевой порядок, как наиболее эффективный и подходящий.

Сантар перегал
распоряжения.

— Железнотелый образует ось. Десятый
капитан, ты — наш сокрушающий кулак.

Значок подтверждения от Медуэона один
раз вспыхнул на ретинальном дисплее
Сантара. Затем

Габриэль переключился на канал связи с
капитаном Девятой.

— Десаан, поддерживай темп своих
терминаторов. Переходи на атакующую
скорость, булавы и
клиники.

Десаан тут же «кивнул» своим
тигнущим значком. Терминаторы
прикрепили магнитными
зажимами болтеры и обнажили оружие
ближнего боя, размахивая
потрескивающими булавами и
пылающими клинками.

Несмотря на медлительность,
жукообразные хитиновые твари обладали
достаточной массой,
чтобы стягивать танковую броню. Сантар

желал покончить с ними; они - все, что осталось от сопротивления эльдаров.

Медуэн ударил первым, «сокрушающим кулаком», сразу как затаих последний залп Румана.

Пытаясь охватить изолированную роту твари обрушились на Железных Рук, которые сковали их.

Менее чем через минуту после того, как звери были полностью втянуты в битву, Сантар, Дессан и две полные роты Морлоков обрушились на их открытый фланг.

Эвисцераторы и сейстнические молоты резали и крушили громадных тварей, которые постепенно гибли под безжалостной атакой легионеров. Медленно, один за другим, они падали и заикались.

Пустыня оглашалась звуками их стертых, барханы оседали от сотрясений, вызванных падением зверей.

Сантар стоял на краю скользкой от крови
воронки и, вытянув клинки из расколотого
черепа

эльдара, смотрел на бойню, устроенную
им и его братьями.

- Слава Императору! - заревел он.

Тысячи голосов подхватили его слова.

- Слава Императору, - произнес Руман
по радио, - и во имя Горгона.

- Я сомневаюсь, что эта победа
удовлетворит его, брат, - грустно
ответил Сантар, после чего он
отключил связь.

Эльдары были разбиты, сокрушены
твердую решимость Железных Рук.
Сантар вытирая кровь
чужих с толиевые когтей, когда к нему
подошел Десан. В своих терминаторских
доспехах

"Катафракт" они были намного выше
братьев-легионеров и лучшие видели поле
битвы.

Первые чужаки и их порабощенные
хитиновые твари лежали отдельными

кучами, разлагаясь на

солнце. Истребительные команда Железных Рук перемещались по полу битвы и добивали

выживших. Сантар приказал пленных не брать. Эльдары не поддавались силовому воздействию,

даже наиболее яростному, и обладали талантом к дезориентации противника и сеянию

замешательства. Сила духа, целеустремленность и беспощадность – на этих боевых принципах

настаивал Первый капитан.

Один из жалких чужаков попытался заговорить, его речь была мелодична и неприятна для чувств

Сантара даже, несмотря на надетый боевой шлем. Он покончил с эльдаром своим толниевым когтем.

– Ты должны преследовать и изводить их, брат-капитан, – сказал Дессан. Визор, который он

носил вместо глаз, холодно сверкнул,
словно подчеркивая его слова. Капитан
«ослеп» по милости

распылителя кислоты эльдаров,
разновидности ксеносов более жестокой и
ядовитой, чем

песчаные кочевники, с которыми они
сейчас сражались. Благодаря
вмешательству Механикума
девятый капитан теперь видел больше
чем когда-либо прежде.

Сантар перевел взгляд от терпкого
чужого к вершине далекой дюны, куда
отступали уцелевшие
эльдари. Густое тарево колыхалось и
размывало обзор, но чужие были рассеяны.
Такой

беспорядок долго не протянется. Сантар
предпочел бы догнать их и уничтожить,
но они уже были
далеко, как и хотелось отцу.

- Нет. Ты перегруппируешь наши силы и
прикажешь им снова приготовиться к
маршу как можно

скорее, — сказал он, потом добавил, — Это
достоинство некоторым более медленным частям
возможность
догнать нас.

— Человек в виду более слабым.

Сантар через визор встретил
невозмутимый взгляд Десаана.

— Я имею в виду то, что говорю, брат-
капитан.

Десаан кивнул, но поднятая рука Сантара
не позволила ему уйти. Первый капитан
отвернулся,

оценивая перебитых в пустынной впадине
хитиновых тварей. Большинство были
изрублены,

пропитывая песок зеленою кровью и
источая тошнотворный запах; другие,
наполовину зарывшиеся

в землю, были убиты прежде, чем смогли
сбежать. Выжившие глубоко зарылись,
подальше от

шума и огня, забрав наездников с собой.
Если подобным существам позволить
беспрепятственно

перемещаться, по отдельности или в группах, они могут стать ненужной проблемой.

Сантар вызвал по радиосвязи Железнотелого.

- Рүтман, в срочном порядке зачищаем этот район. Я хочу, чтобы он был полностью обезврежен, на поверхности и под ней.

- В живых никого не оставлять. - Это был не вопрос, но Сантар все равно ответил.

- Никого, брат.

Первый капитан уже видел, как позади передовой линии Железнотелый выводит на позиции

дивизионы минометов-кротов и беспилотных зажигательных дронов «Термит».

- Достань их, - добавил он.

- Никого в живых, - Рүтман повторил скрипучим голосом подтверждение.

Сантар сделал знак капитану Десаану следовать за ним, оставив подготовку к

перегруппировке и

наступлению капитану Медузону.

— Ты со мной, Морлок.

Они толча шли по песчаному склону, не обращая внимания на глухой вой первомеханизмов своих

терминаторских доспехов, которые старались совладать с уклоном. Капитаны вместе прошли

ряды вышедших из строя танков Артии и небольших ординатусов Механикума.

Большинство

ташин были потрепаны непогодой и нуждались в серьезном ремонте и техническом

обслуживании. Оба воина даже не взглянули на измученных солдат.

Добравшись до вершины, они

встретились с Рутманом, который готовил дивизионы тяжелой поддержки к сокрушительному

залпу. Его ром был плотно сжат, частично из-за свойственной ему суровости, но также из-за того, что

нижнюю половину лица затеняла аугментика. Большая часть его тела была кибернетической, и

Рүүтэн гордо демонстрировал его вместе с боевым доспехом. Далеко позади тяжелых дивизионов

в тумане появились запоздавшие дивизии Армии, изнуренные маршем.

Десант не носил шлема, и его голова выступала над высоким ободом горжета, тяждущего

бочкообразными изгибами наплечников, как стальной шар. Но пренебрежение было так заметно в

его тоне, что не было необходимости смотреть ему в лицо.

— Наконец, прибываешь Армия, — сказал ему Сантар.

— Нам лучше без них.

Рүүтэн согласился, обратившись к Первому капитану: — Я серьезно обеспокоен эффективностью

механизированных и пехотных частей людей. Наше продвижение неизменно

замедляется.

- Они уязвимы к здешним условиям, брат. Песок и жара разрушительны для ходовой части и
двигателей. Это препятствует нашему наступлению, но я пока не вижу решения.
Ответ Первого капитана должен был стягнуть обстановку, даже частично побуждал к этому, но
только вызвал еще большее беспокойство у Железнотелого.

- Я изучу ситуацию, - наконец, сказал Сантар, удаляясь.

Рүүтэн кивнул, а тем временем расчеты тинометов-кротов и батареи ракетных установок провели последние приготовления к стрельбе.

Пренебрежение Железнотелого к стерпной плоти вытекало из того, что сейчас он был больше машины, чем человеком. Несколько ближних боев с деврятами в лесах на Кванге привели к необходимости обширного применения

кибернетики. Но он ни разу не пожаловался
и воспринимал

свою бионику стоически.

Десаан толчал, пока они не прошли боевые
порядки и не вышли в открытую пустыню.

- А что делать, Габриэль? Некоторые
театры военных действий не для простых
людей.

Сантар снял шлем с шипением
выходящего давления. Лицо было покрыто
потом. Он поднял
брови.

Позади них постепенно нарастающий гул
многочисленных взрывов ракет прерывал
слова Первого
капитана.

- Значит ты - не люди, Вакал?

Десаан был стойким приверженцем
Железной Веры, которая опиралась на
идею «Плоть слаба».

Его явное высокомерие и отсутствие
человеческого сочувствия частое
переходило в презрение, а
иногда и того похуже.

Другой капитан нахмурился, когда роком глубоких подземных взрывов встряхнули песок под их

ногами и обстрел Железнотелого сделал свою работу.

- Я знаю, ты понимаешь меня, брат, - продолжил Сантар. - Ты достаточно хорошо знаешь друг

друга, не так ли? Твой прежний тон говорил об этом. - В словах Первого капитана был упрек,

который Десаан сразу же распознал.

Биона Хенрикоса из Десятой роты Железных Рук не воодушевило жалкое состояние дивизии

Армии. Люди были похожи на призраков, пропахших потом и покрытых соляной коркой. Они были

изранены и истекали кровью, и были замерзшими. Беспребедно замерзшими.

Даже клавы скитариев Механикума и батальоны сервиторов пострадали, главным образом из-за

слабости их элементов из плоти.

Несколько сотен кибернетических существ

были оставлены

ржаветь на пути следования армии;
выбывших из числа сааванских масонитов
тоже бросили там,

где они пали в разорванной армейской
 униформе и они были похоронены только
 по приходу

случайных песчаных бурь.

Временный лагерь был поспешно разбит
 несколькими оставшимися бригадами
 трудоспособных

рабочих сервов. Лазареты заняли съ-
 тепловыми ударами и хроническим
 обезвоживанием.

Хенрикос подсчитал больных и раненых
 солдат, лежащих на сеточных и
 парусиновых койках в

палатах - их были сотни. За-
 исключением редких жалобных стоек, они
 уныло молчали. Он не

задержался, не обращая внимания на
 группы доганских опирающихся на пики под
 истязателей,

тентами, свисающими с бортов «Химер»; на отчаянные попытки механиков-водителей охладить двигатели машин; на тихие проклятия людей, считающих со своего оружия комья утрамбованного песка. Один седой полковник, жующий пластинку табака, коснулся фуражки, приветствуя костодесантника. Он выглядел измученным, как и его люди. Но когда Железнорукий прошел сквозь толпу покрытых волдырями, обгоревших солдат, которые едва могли говорить пересохшими губами и раздувшимися языками, он почувствовал толику сострадания.

Это место было не для людей. Это был ад, а следовательно, место для таких выкованных среди звезд воинов, как он. В отличие от большинства своих братьев, Хенрикос не обладал полным

комплектом бионических
усовершенствований. Его руки удалили и
заменили механическим
подобием, согласно ритуалу Легиона, но
остальная часть Седьмого сержанта была
органической.

Он подозревал, что частича сочувствия,
которое он испытывал, пришла от этого
пристрастия к
биологии.

Хенрикос задумался, что если его более
кибернетические братья положили на
алтарь
механической силы и стойкости больше,
чем просто слабость плоти. Не
отказались ли они также и
от части своей человечности?

Хенрикос отбросил мысль, но она все же
осталась в его подсознании.

Палатки лазарета уступили место
теневшим шатрам, которые предоставили
тень целым
батальонам, но мало спасали от такой
ужасной жары. Фляги быстро передавались

по кругу, но

даже целая цистерна не смогла бы утолить жажду одного солдата, не говоря уже о целых

дивизиях. Блюстители дисциплины стояли прямо и непоколебимо, как пример своих обязанностей, но даже эти обычные стойкие офицеры слабели. Хенрик осудил, как один упал на колени, после чего снова поднялся.

Старый полковник пел, но немногие, кроме ветеранов подхватили грубую песенку.

В общем и целом это было печальное зрелище, а ведь они — только авангард; еще больше солдат

из состава главных сил все еще тащились по пустыне.

В конце выровненной песчаной площадки, которую быстро засыпали наносы, показалась

командная палатка. Когда Железноружий подошел к ней, у входа стояли на страже двое

изнуренных масонитских преторов.

Хенрикос не потребовал пропустить его и даже не удостоил взгляда солдат, проигнорировав их.

Он вошел в палатку и в нос ударил спертый воздух. В углу парусиновой палатки стоял вентилятор, установленный на самый холодный уровень. Работающая на пределе квадратная машина

вibrировала и выла.

Пятнадцать человек в офицерской форме, выглядевшие не лучшим образом, вытянулись перед вошедшим сержантом.

Один из них - генерал, судя по богатству униформы и сидящему на его плече ручному ястребу с цилиндром для сообщений, шагнул вперед. Он держал инфопланшет и открыл рот, чтобы заговорить, но Хенрикос заставил его замолчать поднятой рукой. Он умышленно использовал кибернетическую.

- Снимайтесь с лагеря, - сказал он прямо.

При такой эмоциональности
Железноружий мог

говорить бинарным кодом. - Все.

Заговорил второй офицер с испуганным лицом. Его кираса была снята, а тундир расстегнут. Он

явно предпочел бы остаться.

- Но, тиlord, у нас только...

Хенрикос счел те три секунды, что он позволил говорить офицеру, как уступку, которую он не повторит.

- Никаких исключений. Легион наступает, а значит и вы. Соберите свои дивизии или же можете

обсудить свои возражения с этим. - Он постучал по кобуре с болтером на бедре. -

Это приказ

Лорда Тануса.

Только главный медик был непреклонен.

- Если ты выступишь сейчас, наши больные и раненые погибнут. - Он остался бросить

сердитый взгляд через свои очки в проволочной оправе. К счастью для него Хенрикос не

воспринял это как вызов его власти.

— Да, погибнут, — сказал Железнорукий, очевидная дрожь сожаления в голосе удивила его.

Офицеры сели, или точнее рухнули. Хенрикос взял инфопланшет и одним взглядом изучил информацию.

Затем он вышел.

Перед ним раскинулась пустыня, подобно золоченному океану, отшилифованному солнцем.

...

На вершине серповидного холма Феррус Танус изучал предстоящий маршрут. Вместе с ним была

группа офицеров, в то время как ряды легионеров ждали внизу.

Примарх взглянул на географический гололед, проецированный с планшета в руке Сантара. Он

изучил широкие дюны, базальтовые
пещеры и бесконечные песчаные равнины в
зеленом

тонохроме, после чего повернулся к
пустыне.

- На горизонте ничего... - пророкотал он,
но затем прищурился, словно различив то,
что только

он, благодаря хваленому генетическому
происхождению мог увидеть. - Но в воздухе
есть

потумнение, возмущение...

- Вероятный теплообмен, тицорд,
сказал Рүтман, всматриваясь в
выжженную долину

бионическими глазами. Гирокопические
фокусирующие кольца стрекотали и
щелкали,

фасеточные апертуры клацали снова и
снова в различных конфигурациях, когда
новые спектры

накладывались на его зрение. - Который
предполагает наличие аванпоста или
бастиона.

— Я тоже вижу, — сказал Десаан, —
анализируя обстановку через визор.
Вероятно, авантюрист каким-
то образом замаскирован.

Сантар рассмотрел долину через
магнокуляры. Она была покрыта скалами
цвета кости,
отбеленными солнцем. Некоторые
выступали из земли как пальцы скелета
или группами,

напоминая грудную клетку какого-то
огромного, но давно умершего хищника. А
также символы; ету
казалось, что он видит рунические узоры в
расположении скал.

— Он должен быть там, — сказал Феррус,
прервав мысли Первого капитана.

Пылевой вихрь медленно кружился по дну
долины. Сантар посчитал, что увидел
крошечные

звездные вспышки в клубящемся облаке и
неестественные тени, которые не могли
быть вызваны
солнцем. Он тормознул и все исчезло, но

нылевой вихрь сгустился.

Сантар выключил гололит и отдал планшет одному из немногих действующих сервиторов, а магнокулары вернулись к Медузону.

— Даже если ты поспешишь, наше продвижение по долине будет медленным, — сказал он, оценивая все тактические варианты. — Но обход вокруг впадины займет еще большее времени.

Рүтман провел быстрое вычисление своей бионикой.

— Четыре целых восемьдесят девятых километра от места спуска, Первый капитан.

Сантар кивнул Железнотелому, но обратился к притарху.

— Воззвишенность дает большие преимущества, но вынудит нас двигаться колонной. В долине наши части смогут рассредоточиться, но будут долевые времена находиться под воздействием врага. В

ней есть что-то невидимое для меня...
угроза.

Феррүс оглянулся через плечо.

- Северие уже заразительно, адъютант? -
спросил он, словно поделившись знакомой
шуткой с

Сантаром. Примарх часто делал это.

- Доверьтесь моим инстинктам,
примарх.

- За которые я не могу порицать тебя. -

Попытка Феррүса притириться не
затронула его холодных
глаз. Он тоже смотрел на долину, словно
уже видел то, что Сантар описал, но
решил

проигнорировать. - Меня больше не
задержат. Мы пойдем по долине.

- Послать сначала скаутов для разведки?
Мы не знаем что там.

- Нет ни одного, - ответил Медузон,
держа в опущенной, расслабленной руке
бомбер. Черты его

узкого лица были острыми, как клинок, и
когда капитан нахмурился, это

впечатление усилилось.

В разговор двух капитанов вмешался голос Биона Хенрикоса. Сержанта вызвали на

импровизированный совет для того, чтобы выступать от имени дивизии Армии, поскольку ни один

из их офицеров не смог сделать это и при том достаточно быстро для нетерпеливого примарха.

Хенрикос был коренастым воином, с развитой мускулатурой, но пластикой течника.

Свидетельством этого был медузанский клинок, пристегнутый к бедру.

- У меня есть предложение, милорд, - сказал он, опустившись на одно колено, и задрав

подбородок и выпрямив плечи. Бион получил звание сержанта недавно, и впервые обращался

напрямую к своему повелителю и примарху.

- Встань, - сказал Феррус,

неодобрительно взглянув на
выказывающего почтение сержанта. — Ни
один из таких сыновей не должен
преклонять колени передо мной, сержант,
если только он не
просит прощения.

— В рядах Армии есть скауты — даганские
истязатели, — сказал Хенрикос,
поднявшись.

-- Мы попримут впоследствии время,
вмешался Десан.

Хенрикос повернулся к нему.

— Люди имеют важное значение здесь.

Десаан неодобрительно посмотрел на единственный бионический имплантат сердца.

- Да, этот камень на наших благородных
шеях тянет нас в болото. Они не нужны.
Доверяй железу, не плоти.

- Потому я не доверяю? - Хенрикось
стремительно сохранял свой тон
нейтральный.

Если бы глаза Десаана могли
прищуриться, они бы это сделали.

- В тебе слишком много плоти, Бион, слабости, которая затуманивает твои мысли.

Хенрикос ощетинился в ответ на очевидное пренебрежение. Он сжал челюсть.

- Могу заверить тебя, брат-капитан, я отчетливо вижу.

Громкий смех, жесткий и полный буйного веселья снял напряженность, как молот, раскалывающий наковальню.

- Вот это дух, твои сыновья, - прорычал примарх, - но придержите свой пыл для врагов. Нем

стысля затуплять клинки друг о друга или твой адъютант посралит вас обоих перед братьями

легионерами, не правда ли?

Выговор был строгий, но лишенный настоящего гнева.

Медузон притирительно шагнул вперед, пока дальнейшие резкие слова между офицерами не

вызывали новую перемену настроения
притарха. Взгляд капитана стягчился и
теперь мог только
колоть, а не пронзать.

— Ты можем подождать армейские
дивизии и объединиться с ними здесь.
Вероятно, дозанцы
будут в авангарде.

Хенрикос кивнул, соглашаясь.

— Это воодушевит их и даст им цель, —
сказал он, не обращая внимания на
неодобрительное
выражение лица Десаана.

— А какова наша цель? — спросил Феррус
Манус. В вопросе притарха звучала
резкость. —

Задержек было достаточно. Больше
никакого ожидания, — раздраженно рявкнул
он. Долгий,

глубокий выдох покинул его сжатые губы.

— Собери Легион, Первый капитан, — сказал
Феррус. — Ты поведешь Морлоков по долине,
тяжелые

дивизионы в резерв, чтобы занять высоты

и обеспечить прикрытие для сил, движущихся внизу.

Капитан Медузон, ты поведешь остальных двумя полубатальонами по склонам этой возвышенности и соединишься с нами у выхода из долины.

Сантар четко отсалютовал своему повелителю и отправился выполнять приказы.

Серповидные склоны были широкими и длинными, но постепенно снижались к дну долины.

Сантар вспомнил тени в песчаной буре и решил, что Морлоки справляются, что было там не скрывалось.

За исключением одного, все вероятные места нахождения узла, установленные Механикутом,

оказались ложными; тиражами, вероятно, созданными эльдарским колдовством. Усилия Железных

Рук, которые видели, что немногие

дивизии Армии способны поддерживать темп Легиона и все
больше отстают, вознаграждались
очередной засадой.

Вероятно, что при выслеживании этого
последнего места нахождения будет то же
самое.

Стальной взгляд Ферруса вернулся к
далекому горизонту и вытике, которую он
заметил прежде.

Больше терять время нельзя.

- Мы спускаемся немедленно. Армия пустыни
пробаливает.

Семь разных аванпостов не обнаружили
признаков узла. Следя координатам
Механикума, Легион

провел несколько ожесточенных боев.
После последнего, Феррус был вынужден
сообщить об

отсутствии прогресса братьям-
примархам. Вулкан был... любезен, даже
предложил помочь,

которую Феррус решительно отверг.
Переговоры с Мортарионом были менее

теплыми. При таком
время не пройдет не один день, пока силы
легионеров смогут объединиться и
покинуть Один-Пять-

Четыре Четыре. Медленное продвижение
армейских дивизий не способствовал делу.
Феррус не

мог не признать силу их орудий, они были
полезны, но ссыпал на слабость людей.
Столь многие

остались позади. Он сомневался, что они
вернутся.

- Эта пустыня поглощает людей, - горько
подумал он.

Долина внизу была странной. Другие не
замечали этого; она выходила за пределы
их понимания.

Тем не менее, Феррус чувствовал, ощущал
притяжение, которое влекло его к
воображаемой

бездне. Что-то изводило его мысли, за
пределами досягаемости его чувств. Он
хотел схватить его, раздавить в своем
кулаке, но как он мог раздавить

ощущение?

Там на песчаной равнине, на дне долины, оно ждало его.

Возможно, оно всегда ждало.

Трепет, гнев и решимость стенились в одну необходимость.

Встретиться с ним и убить.

Это был путь Горгона, по которому он всегда шел. И так же умрем, в этом он был уверен. Никто

никогда не брал над ним вверх.

Решимость определяла его.

— Я иду за тобою, — пообещал он, взглянув спуск.

...

Затухающий свет, отражаясь от окостеневших стен их психического святилища, осветил хмурый взгляд на лице первого собеседника.

— Его воля и целеустремленность исключительны.

— Ты по-прежнему считаешь, что он на неверном пути? — спросил другой.

- Связь близка... - пробормотал первый.
- Как ты убедишь его в этом? Мон'кей, в частности люди - особенно, такой как этот - недоверчивы по своей природе.

Когда чары его плана начали соединяться, подобно хромосомам эмбриональной жизненной

формы, первый собеседник сощурился.

- Тут понадобится хитрость. Он должен поверить, что это его решение. Это единственный способ изменить его путь.

- Паутина, которую ты плетешь,ущербна.

Первый встретился взглядом со вторым, и вспышка энергии осветила вопрос в его зияющих глазах...

... на который второй охотно ответил.

- Ты пытаешься превратить камень в воду, заставить его течь по твоему замыслу. Камень не

может согнуться, он может только
сломаться.

Первый был непреклонен.

— Тогда я разрушу его и придам новую
форму.

• • •

Когда они приблизились ко дну впадины,
воздух стал неподвижным. По обе стороны
от Морлоков

поднимались крутые скалы, и широкая
долина быстро превратилась в ущелье, в
которое едва

проникал солнечный свет.

— Куда ты забрались? — голос Сантара был
не намного громче шепота.

Здесь обитала густая, всепоглощающая
темнота. Долина превратилась в более
сухой, чем

пустыня, ландшафт могильных камней
похожих на крипты монолитов. В тенях
песчаные холмы

были почти черныши, и Сантар вспомнил
слова притарха о его снах. Даже чистое
сияние

белоснежных скал потускнело.

Несколько Морлоков оглянулись на изменившиеся окрестности. Все они были ветеранами и достаточно дисциплинированы, чтобы не реагировать, но Сантар почувствовал, как они покрепче сжали болтеры.

— Спокойно, Авернии, — сказал он по связи, а затем переключился на канал Десаана. —

Держи

своих легионеров наготове, брат-капитан. Две роты маршировали бок о бок, развернувшись в цепи. Густые тени и полная тишина в долине придавали ощущение огромного расстояния между ними.

— Ты лишился солнца? — спросил Десаан.

— Оно такое черное, словно опустилась Старая Ночь.

Сантар поднял глаза. Сфера по-прежнему висела на небе, но ее свет словно отфильтровывался через густой туман, став серым и

приглушенным, прежде чем упасть в долину.

- Я потерял из виду Медужона и Рүтмана,

- добавил капитан.

Сантар заскреб голову, но увидеть вершину холма было практически невозможно.

Долина была глубокой, настолько глубже, чем выглядела. Вокруг его ног поднимались песчаные

вихри, напоминая железные опилки, скользящие вокруг наковальни. И она была более

протяженной, чем говорил Рүтман, а Железнотелый обычно не ошибался в таких вопросах. Но в

этом месте все было необычно.

- Напоминает Призрачную Землю, - пророкотал притарх.

Даже без радиосвязи громоподобный голос Ферруса Тануса разносился пронзительным ветром.

Он вдохновлял обе роты. Притарх был стержнем вместе с эскортом своих непоколебимых

преморианцев, включая Габриэля

Сантара.

- Я не вижу призраков, притарх, - сказал Первый капитан, пытаясь снять напряжение.

На Медузе Призрачная Земля была сурошим тестом, якобы населенным тенями умерших и призраками. Подобные разговоры вели северные люди, слабые и доверчивые. Железные Руки

считали иначе. В ее непроходимых глубинах были великие обелиски из камня и метала, чье предназначение было затеряно в веках. Чудовища бродили по ее темным и забытым ущельям, это было верно. И безумие охотилось на ее бесконечных равнинах за опрометчивыми и безрассудными. Сравнение выходило неутешительным.

- Призраки здесь, - сказал Феррүс, добавив холода к уже ледяному воздуху. - Ты просто их еще

не видит. - И когда вихри начали скручиваться в шторм, он добавил: Сомнуть ряды по фронту и в глубину.

Долина полностью изменилась, Сантар не узнавал ее. Тени, отбрасываемые от похожих на

скелеты скал, вытянулись в когти и потянулись к Железным Рукам, медленно окружая их.

- Почему я не узнаю это место? - спросил он самого себя.

Радиоканал Десана затрещал помехами.

- Потому что... оно... другое.

- Лорд Манус, - сказал Сантар, чувство угрозы внезапно стало осязаемым.

Феррус не взглянул на него.

- Не останавливается. Мы не можем повернуть назад. - Тон притарха подсказывал: он знал, что

они попали в ловушку. - Эльдары поймали нас, но им не удержать Железных Рук.

Ветер усиливался, как и шторм. Он отнимал у голоса притарха его силу. В

этом же момент штурм
обрушился на Морлоков без
предупреждения и тяжелый топом
многочисленных ног замах.

Буря ударила по ним, как молот и за
несколько секунд две роты были поглощены
ею.

Немедленно потухло солнце, затерявшись
в вихрящей тьме.

Несколько мгновений спустя хлещущие
песчинки исцарапали доспех Сантара, как
клиники. Он

слышал скрип песка о металл, но
прогнорировал незначительное
повреждение боевого доспеха,

когда доклад об этом появился на
ремиальных линзах шлема. Обнажив
толстые когти, Сантар

попытался рассечь черную трясину и
обнаружил, что она не поддается. Он
словно резал землю,

вот только это был воздух.

- Держаться вместе, - передал он по
каналу связи, - наступает, как один.

В этот раз ответило теньше подтверждений. Тактический дисплей был неисправен, а

биосканирующие маркеры отмечали позиции боевых братьев с перебоями.

Насколько капитан мог

сказать строй сохранялся, но он не знал, как долго это будет продолжаться.

Сантар чувствовал, что ситуация скорее ухудшится, чем наоборот. Песок забил выхательную решетку шлема, царапая язык. У него был вкус пепла и сперми. Медный запах покалывал ноздри.

— Вместе как один, — повторил он.

Его акустический сенсориум зарегистрировал далекий визг, заглушивший сильные помехи радиосвязи. Он звучал не как ветер, или, по крайней мере, не просто как ветер. На тактическом

дисплее появлялся и исчезал поток непонятных сведений.

— Оружие к бою, — приказал он, выискивая врага. Черный песок ухудшал обзор, делая

невозможным захватом целей. Вопящий
припев заглушал ответы сержантов и
капитанов. Когда

помехи связи снижались, время от
времени появлялись символы
подтверждения.

Сантар едва мог различить силуэт
притарха всего в нескольких метрах перед
собой.

— Лорд Танус, — позвал он, прежде чем
Ферркус замерялся в шторме.

Сначала ответа не было, но затем до него
дошел слабый отклик.

— Вперед! Ты прорвешься или умрем.

Сантар хотел сплотиться; создать
оборонительный кордон и ждать окончания
бури, но она не

была обычным природным явлением.
Первый капитан был уверен, что задержка
вызовет

смертельные последствия. Он двинулся
вперед.

На его ретинальном дисплее что-то
тигнуло. Это была тепловая сигнатура,

слабая, но довольно

отчетливая, чтобы локализовать ее.

Он повернул голову, госпех "Катафракт"
был непривычно громоздким, и увидел ...
лицо.

Оно было нечеловеческим, кожа плотно
обтягивала слишком длинный череп.

Подбородок и скелеты

были угловатыми и заостренными, а
глаза почти пустыни.

- Во имя Императора... - прошептал он,
осознав, что смертельные лица подобны
косяку

плотоядных рыб наводнили их ряды,
бесплотные и зловеще светящиеся посреди
шторма.

- Враг! - заревел Сантар. Он надеялся,
что связь передаст его предупреждение.

Морлоки открыли огонь из болтеров, и
загремело стаккато резких выстрелов.

Дульные вспышки

были похожи на тусклый свет сигнальных
ракет, приглушенный ураганным ветром.

Абсолютно чужое лицо отступило в

темноту перед Сантаром. Оно влекло его за собой, шаг за шагом.

- Атакует!

Он нанес удар, энергия слетала с его клинков за забранными лазурными всполохами, но разрезала только воздух.

- Обнаружено движение, - услышал Сантар по радиосвязи, но не смог установить говорившего, так как масса голосов отвлекала его внимание.

- Контакт, - прокричало эхо другого, также безымянного для Первого капитана, хотя он десятилетия знал и сражался рядом с этими воинами.

Железные руки всерьез взялись за отражение атаки и из их строя вырывались плотные болтерные очереди.

- Десант, докладывай, - закричал Сантар, когда слева от него телькнуло что-то

неестественно

быстрое, проследить за которым было невозможно. Он повернулся, когда вторая фигура

скользнула в его ограниченном периферийном зрении справа. Она бросила на него взгляд, и у

Сантара остался стутный образ призрачного лица.

Лорд Манус был прав; здесь были призраки, которые ждали их в темноте и теперь их терпение

закончилось. В воде была кровь.

- Неизвестный... противник. - Ответ Десана был прерывистым, но четким.
Нельзя точно

определить...дислокации...атакует...много контакты...

Следов примарха не было. Впереди была тьма, как и сзади и с любого другого направления.

Ориентироваться в такой ситуации было невозможно, поэтому Сантар решил держаться.

- Удерживать позицию, - передал он по связи. - Они пытаются разделить нас.

Он пытался найти своего повелителя, но ничего не мог разглядеть за темнотой ни глазами, ни сенсорами.

Прерванный ответ Десаана запоздал и мало утешил Сантара. Морлоки были раздelenы,

поглощены штурмом, а Лорда Мануса отдалили от остального Легиона. Их силы и стойкость были

поставлены под сомнение за одно мгновение опрометчивости.

Сантар выбрал себя за нехватку предусмотрительности. Он должен был настоять на том, чтобы обойти долину или подождать тщательной разведки района, но притарх не стал бы колебаться.

Он словно бросился прятником к какому-то року, который только он мог видеть. Сантар был ближе

любого из Железных Рук к своему

повелителю, но даже он не был посвящен в глубинные мысли
притарха.

Резкий всплыв, пронзительный и на несколько октав выше звука шторма, прорезал воздух. От него голова Сантара затряслась, несмотря на защиту боевого шлема. У него сильно закружилась голова и он зашатался. Непроницаемые помехи полностью вывели из строя связь, хотя он и так не мог напрячь голос для отдачи приказа.

Сантар почувствовал кровь во рту и выплюнул ее на внутреннюю поверхность шлема. Он заскрежетал окровавленными зубами.
Будь как железо.

Сбивающие с ног колебания пронеслись по костям с увеличивающейся тощью минометного огня.

Он снова пошатнулся, но удержался на ногах. Упади он сейчас и, несомненно, были бы терты. Ни

один воин в доспехе "Катафракт" не
стожет подняться без посторонней
помощи. А в темноте

крадись больше чем просто призраки.
Перед акустической атакой он заметил
острые клинки,

гибких и похожих на призраков воинов.
Обретя внутреннюю стойкость, Сантар
огляделся в поисках

врагов.

Неуклюжие, бронированные силуэты
тяжело шагали сквозь туман. Это
настунали его Морлоки,
медленно и почти увязнув в грязи.

Ужасный вопль пронесся сквозь его боль,
предвещая болезнью очередь, ударившую
по его

правому боку. Сантар проигнорировал его,
вместо этого услышав внезапное смещение
воздуха

слева от себя.

Нашел тебя...

Защитный инстинкт позволил Сантару
парировать клинок, темнувшийся к его

шее, и, наконец, он

хорошо рассмотрел нападавшего.

Эльдар носил маску, того же цвета белой кости, что и сегментированный госпех. Из под нее

выбивалась грива черных волос. Судя по форме панциря, это была женщина, а не какой-то

призрак. Длинный и изогнутый теч был выкован и заточен стертоносным разумом.

Раскаленные

искры посыпались с клинка, когда он заскрежетал о толниевые когти Сантара.

Она была частью шторма, и в то же самое время отделена от него, стесняясь по желанию с

кружящимся ветром. Оставив в воздухе за собой исчезающий след из запуренных сполохов, она

вышла из боя.

Сантар был наготове, не обращая внимания на то, что говорили ему рептиональные линзы и

доверившись инстинктам. Следующая

атака была очень тощной. Теч лязгнул о

его толниевый

коготь, и он ощутил этот удар по всей руке до плеча. Она сердито взглянула на Сантара,

разъяренная его сопротивлением, испустила адский визг из таски, вынудив Первого капитана

сжать зубы. Выдержав звуковую атаку, он сделал вынаг другим когтем и блокировал костяной теч

эльдара.

В ее другой руке появился пистолет, но нули без вреда срикошетировали от доспеха Сантара,

подобно слабым укусам комара.

Вырвавшийся из ротовой решетки скрипучий стех удивил его.

Бросив пистолет, она схватила теч обеими руками, пытаясь высвободить его. Пока теч был в

захвате, она не могла отступить, а без него будем разрублена. Даже эльдари не были быстрее

толнии.

— Ты не такая уж и страшная, — проворчал сквозь стиснутые зубы Сантар, когда она спустила еще

один адский визг ей в лицо.
Превосходящая сила Первого капитана говорила не в пользу
давящего тече чужого, и его бионика зарычала в предвкушении триумфа. — Я страшнее.

Сантар разрубил ее оружие пополам сдвоенными толниевыми когтями.
Отколотая половина клинка отлетела в незащищенную грудь воина и пронзила ее. Она отступила в штурм и тут же исчезла в нем.

Засада поколебалась, и Сантар был уверен, что сама темнота отступит, когда стихнет штурм.

Несколько Морлоков лежали неподвижно там, где их пронзили клинками или были сражены боем,
но остальные сплотились. Даже связы

вернулась.

- Ты жив, Первый капитан! - Это было
Десант, приглушенный звук его болтера
раздавался позади

Сантара.

- Жив и разгневан, брат-капитан, -
ответил Сантар, потроша очередного
призрачного воина. Он

вырвал клинки из ее спины с
доставляющим удовольствие звуком
разрываемой плоти, когда его
левая рука онемела. Он попытался ее
высвободить, но она не пошевелилась.

- Чем-то не так. Брат, я... - Паралич
сковал его бионику, словно она просто
перестала

действовать. Его ноги, тоже
механические, заблокировались. - Я не
тогу..., - боль от этого была
невероятной, и он прошептал последнее
слово, - ...двигаться.

Разыскивая союзников, он обнаружил
только две бесплотные маски,
направившиеся к нему. Их

лица сияли магическим огнем, они
безжалостно устремились и прошипели
что-то мстительное на
своем языке.

— Я могу убить вас обеих... одной рукой, —
пообещал Сантар, но почувствовал
трещину в своей
уверенности, когда они начали кружиться
вокруг него.

Что-то раздавалось по радиосвязи,
отвлекая его внимание от призрачных
воинов, когда те
приближились. Он узнал скорбный крик
своего товарища капитана.

Междуду кружящимися фигурами эльдаров
он тельком увидел Десаана, который
неуверенно брел
через темноту и неистово стрелял.
Случайная очередь поразила одного из
Морлоков, ослабив его
защиту, благодаря чему другой
призрачный воин смог вонзить теч в
соединение доспеха,
соединяющее нагрудник с пахом.

Железнорукий осел, затем шторм скрыл его из виду.

- Десаан! - Предполагаемые убийцы Сантара были рядом. - Следи за стрельбой, брат. - Он не мог позволить себе отвлечься. Десаан шатался, не контролируя секторы обстрела своего болтера.

- Десаан!

Он был похож на...

- Ослеп, Первый капитан, - пробормотал ошеломленный Десаан. - Я не... вижу... - Его рука

безвольновисела. Другие также были поражены, Морлоки уничтожались именно тем, что давало им силу.

Плоть слаба. Мантра вернулась к Сантару с настеничивой иронией.

Эльдары что-то сделали с ними, сформировали какое-то страшное колдовство, чтобы навредить им кибернетике. Все Морлоки обладали обширной бионикой.

Сантар пристально посмотрел на призрачных воинов, которые размахивали мечами, обещая разрубить.

— Давайте, — невнятно произнес он. Его сердце могло быть таким же беззащитным для их клинков.

Призрачные воины остановились посреди шторма в наполовину реальном состоянии. Они

одновременно размылись. Двое стали теножеством, и их неприятный стих раздавался сквозь вой,

который беспрестанно изводил Сантара.

— Давайте! — прорычал он. — Сражайтесь со мной!

Глаза одного прищурились под маской, и Сантар проследил за его взглядом к своей парализованной руке. Только вот она снова двигалась, но не по желанию Первого капитана. Но

лезвиям толниевых когтей затрещала энергия, достаточно лютая, чтобы разорвать боевой

госпех. Очарование и неверие слились в
ужас, когда Сантар понял, что когти
поворачиваются

внутрь... к его шее.

Он сжал свою взбунтовавшуюся кисть
другой рукой, а тем временем стекх
чужаков вырос до звона

в ушах. Капли пота покрыли его лицо,
когда тыщиши шеи и плеча вздулись от
усилий сдержать

чужую руку, которая пыталась его убить.

Быть убитым собственной рукой, в этом
не было чести. Это была жалкая смерть и
эльдары знали

об этом.

- Трон... - прошептал он. Даже визг
бионики звучал иначе, как-то агрессивно.

- Сражайся! - подстегнул он, но связь
тежду машиной и плотью была далека от
симбиотической.

Одно почти расценивалось как зараза в
ущерб другому, но теперь это благо
взбунтовалось и
стало проклятьем.

Актинический запах сожженного металла наполнил его респиратор, когда кончики энергетических

клинов прикоснулись к краю горжета. Сантар прикинул, что им понадобится один решительный удар, чтобы пробить броню и разорвать шею. В лучшем случае у него есть несколько секунд.

Сантар охрип от своего ревущего вызыва, но его усилияшли на спад.

Он закрыл глаза и его голос усох до шепота перед лицом неизбежного.

- Примарх...

• • •

Феррус был один; был только он и штурм. Затем он надел боевой шлем, но не увидел на

ретинальном дисплее признаков своего Легиона, поэтому не стал тратить время, вызывая их по радиосвязи. Последний контакт у него был с Габриэлем Сантаром, который отчаянно требовал от

них держаться вместе.

Вперед, двигайся вперед.

Побуждение были слишком сильным, чтобы ему сопротивляться. Они зашли далеко. Какой бы

ужас не скрывала эта пустыня, какую бы жестокую правду его не позвали сюда увидеть, он больше

не мог это отрицать.

Это не был обычный шторм. Он слишком напоминал ему сны, и был насыщен метафорами из его

бурного прошлого и символическими капканами возможного будущего. Феррус слышал голоса в

хлещущем ветре, но ни звуков битвы, ни боевых кличей.

Я ждал битвы.

Феррус не мог понять их смысл, но чувствовал, что слова важны.

Радиосвязь отключилась. В ее каналах не было даже помех. Он стирался и с этим тоже, и

продолжил идти. Что бы это ни было,

какой бы рок или осколок судьбы ни привел
его сюда, он

встретит ее с открытым забралом.

Глаза...похожие на змеиные щели следят
за тной. Я слышу шипение ее языка,
подобно

рассекающую ветер ножу. Это том-
самый нож, который я ощущаю на своем
горле.

Воспоминание вернулось.

После ухода с сухопутного корабля, он
снова говорил с Портарионом или скорее
брат говорил с

ним. Другой притарх оставил в нем
занозу, которую Феррус не смог легко
забыть или заглушить.

-- Если ты недостаточно силен, -- сказал
Портарион. -- Если ты не стможешь
закончить это

сам...

-- Помочь мне? -- заревел он равнодушной
бүре. Ветер настыхался в ответ. -- Мне не
нужна

помощь. -- Он застыялся безжалостным и

ужасным стехом. — Я силен, я — Горгон.
Феррус побежал, хотя не мог вспомнить,
чтобы ускорялся так решительно и
беспричинно. Но он

бежал так быстро, насколько позволяли
его конечности. Казалось, тьма песчаной
равнины только
растянулась, когда земля и небеса слились
в одно.

— Ты не сможешь помочь мне, — закричал
он, когда его захватило ощущение полета,
а затем
падения.

И намного более тихим голосом,
затерявшимся в его подсознании, — ... никто
не сможет.

• • •

Двое легионеров выделялись на насыпи
золотого песка, всматриваясь в пелену
темноты.

Перед ними черное облако окружило
Морлоков, как чернило на воде.

Бион Хенрикос едва мог поверить в то,
что говорили ему глаза и задался

вопросом, видят ли его
улучшенные аугментикой братья то же
самое.

- Что это?

Брат Таркан расширил апертуру
бионического глаза, увеличив его фокус
тесноты

движениями лицевых мышц. Каждая
корректировка давала том же результат.

- Безрезультатно.

- Оно искусственное, - ответил Хенрикос,
поднявшись.

Пока он не перегрупировался с капитаном
Медузоном, половина батальона
подчинялась ему.

Чем бы эта темнота ни была, он должен
будет разбираться с ней сам. Сержант
попытался

воспользоваться связью, но она была
подавлена каким-то психическим
штурмом, бушующим во
внадине.

- У него есть когти, брат-сержант, -
сказал Таркан.

Двести пятьдесят легионеров - всего
часть Десантной Железной - ждали команды
Хенрикоса.

Вооруженные болтерами и наполненные
яростью, они недвигались, остановленные
тенью. К

сожалению, у них не было ни одного
дивизиона гравициклов, чтобы обойти
штурм и лучше его

оценить. Не в первый раз Хенрикос
задумался об отсутствии тактической
гибкости в Легионе.

- Вот оно что, - сказал он, изучив
горизонт и колонны скал, которые
воззвышались над

погружающейся во трак долиной. Сержант
был достаточно близко, чтобы коснуться
его и протянул

железную руку. Завихрение кружавшего
песка безвредно звякнуло о металл, и когда
Хенрикос

поднял взгляд, то обнаружил то, что
искол на штурмом. Темнотой управляла
высокая, худая

фигура в серо-коричневой тантии. У нее был магический посох, покрытый чужими рунами и

инкрустированный
камнями.

драгоценными

— Брат Таркан, — сказал сержант скрипучим голосом, обещавшим возмездие,
— убери эту грязь.

Таркан был снайпером одного из подобных отделений в Десятой, и он обращался со своей

длинноствольной винтовкой с изяществом стрелка. Оружие было приспособлено под его руки, и

имело оптический прицел, который был соединен с бионическим глаза Таркана и обеспечивал

надежную связь между стрелком и целью.

Прильнув к прицелу, Таркан навел зеленое перекрестье на голову эльдара в шлеме и выстрелил.

Выход пыли качнул оружие, но Таркан тут же сбалансировал его. По-прежнему следя через

прицел, он ухватылънұлся с безраздостным
удовлетворением, когда череп чужого
взорвался и том

упал со столба без головы и большей
части верха туловища.

Он засинул винтовку на спину.

- Цель уничтожена, брат-сержант.

Хенрикос поднял кулак и осталной
полубатальон поднялся на склон.

Задерживаться в этом месте не было
стысла.

- Вперед, во имя Горгона.

Двести пятьдесят воинов двинулись в
рассеивающийся штурм.

Что-то помешало Хенрикосу, когда он
вошел в полутрак. Это был сбой
механизмов в его

бионической руке. Сержант хотел, чтобы
она была расслабленной и готовой
выхватить клинок, но

рука сжалась в кулак. Он заставил ее
разжаться, не понимая причины
неисправности, и

приблизился к пораженным Морлокам.

Хенрикос остановился, когда увидел, что они делают друг с другом.

У одного легионера в груди застрял собственный эвисцератор. Окровавленные щёбью теча

вращались. Он пытался одной рукой помешать клинку погрузиться глубже, в то время как другая —

кибернетическая толкала теч дальше. Другой воин лежал неподвижно, шлем был снят

собственной силовой булавой. Багровая жидкость вытекала из трещин в лужу вокруг головы.

Некоторые пошатывались, наполовину слепленные, или же были прикованы к земле

нефункционирующими ногами.

Бионические руки обхватывали горла из плоти и душили своих

носителей. Повсюду были вызывающие ужас признаки машинной бойни.

Сила веры Железных Рук была обращена

против них.

Кратковременная пауза Хенрикоса была вызвана желанием сохранить свою половину батальона и не усугубить и без того тяжелое положение, но какой бы недуг не поразил Морлоков, он пока еще не коснулся Десятой Железной.

- Капитан! - Хенрикос с возрожденной энергией медленно направился в штурм. Позади него развернулись его братья, вмешиваясь по возможности и не давая самокалечению зайти дальше текущего состояния.

- Я вижу! - ответил Медузон. - Клянусь течом Императора, я вижу... Останови их, брат. Спаси от самих себя, если стможешь.

Связь отключилась на короткое мгновение, и именно тогда Десятн попал в поле зрения Хенрикоса.

Кибернетическая рука сжимала заржавленный боевой нож, а он боролся с

каким-то невидимым

врагом, который пытался вонзить клинок
ему в лицо.

Хенрикос добрался до него, когда
тономолекулярный нож почти пронзил
плоть.

Его железные пальцы сжались на кисти
Десаана, крепко удерживая ее.

- Держись, брат! - закричал он, пытаясь
взять оружие под свой контроль. Пока
Хенрикос боролся, он увидел лица в
темноте. Они были быстрыми и
нематериальными, как обрывки ледяного
тумана, учтивая их призрачный облик.
За одним устремилась болтерная очередь,
но призрак

расстворился, прежде чем она достигла
его. Раздался многочисленный
настеничивый вор,

вызвавший отвращение у сержанта.

- Бион, это ты? Я не вижу, брат. - Голос
Десаана был наполнен болью.

Его визор был темен, как железная повязка
на глазах.

- Сражайся, брат-капитан! - призвал Хенрикос, но бионическая сила Десаана была невообразима.

Даже вдвоем они проигрывали, и клинок свинулся немного ближе, пронзая плоть.

- Быть выпотрошенным собственным боевым ножом, - сказал Десаан с болезненной гримасой. -

Не так славно, как я надеялся.

- Ты еще жив, - заверил Хенрикос. Отклонись...

Отпустив руку Десаана, он выхватил свой медузанский клинок и насытил его энергией. Это заняло

у него на несколько секунд больше, чем должно было, его железная рука сопротивлялась ему.

Скоро это и до нас доберется.

- Что ты делаешь?

- То, что должен. - Визг разрезаемого темала заглушил рев, когда Хенрикос начал отпиливать руку капитана.

Десаан изо всех сил старался не двигаться

и толчать.

- Если ты поскользнешься... - прорычал он сквозь стиснутые зубы.

- Ты потеряешь голову, - ответил Хенрикос и продолжил резать.

Вокруг них отступали призраки, растворяясь вместе со штормом. Как и колдовская власть над

кибернетикой Железных Рук.

Последние кабели и сервомеханизмы от分离лись в потоке масла и искр, оставив только наруч.

Хенрикос, покрытый каплями пота, резко остановился и свое Железных Рук одновременно

выдохнули.

Ветер нес прерывистые звуки болтерной стрельбы, становившейся все интенсивнее с каждой

минутой. Шторм затихал и призраки исчезли. К вышедшим из строя Морлокам вернулась

боеспособность, но осевший песок показал высокую цену, заплаченную за это.

На земле лежало несколько терминалов, пронзенных собственными течами и сраженных. Своими булавами. По крайней мере, еще трое были убиты призрачными воинами. Многие получили ранения.

Зрение вернулось, Десаан поморщился при виде отсеченной конечности, но благодарно кивнул сержанту.

— Рассудительность не всегда та самая сильнейшая черта.

— Ты высказал свою точку зрения, я — свою. Больше не о чем говорить.

Каждый быстро отдал честь, и вопрос был уложен.

Десаан снова кивнул, а потом оглянулся.

Убитых врагов не было видно.

— Здесь вообще был бой? — спросил Медузон, когда перегруппировал Десятую Железнью.

— Я поразил одного и он не мог выжить, — сказал Десаан.

- Как и я. Его голова оторвалась от тела,

- сказал присоединившийся к ним Таркан.

Дессан захмурился.

- Даже их смерть труслива. Они все исчезли.

Разговор прекратился, когда из рассеивающейся темноты появилась фигура. Горжет и левый наплечник были отмечены ужасными повреждениями, которые лишили бы его головы, будь они на сантиметр ближе к груди. Четыре глубокие борозды были оставлены энергетическим оружием.

- Как и примарх, - сказал Габриэль Сантар. - Лорд Манус пропал.

Воля железа

- Он не мог погибнуть.

В тоне Медуэна была нотка сомнения, из-за чего Сантар сжал зубы.

- Предательский удар... - пробормотал Дессан. Они все были страшно уязвимы в долине, но он

тум же отверг замечание.

- Горгона нельзя убить, - заявил он более громко. - Ни один вероломный клинок труса даже не стожет пробить его кожу. Это невозможно.

- Тогда где он? - спросил Медузон.

Хотя пустынная долина вернулась к своему естественному облику, в ней по-прежнему было полно расщелин, скал и разбросанных валунов. Даже беглая оценка давала больше двадцати южин

возможных участков, где притарх мог столкнуться с вероломством врага.

Десаан понял, что не может ответить.

Сантар проследил за его взглядом и включил радиоканал. Несомненно, ничего такого обычного, как

ловушка не могло убить Горгона.

- Железнотелый?

Рүтман был все еще на линии хребта, медленно направляя свои дивизионы в тяжелой поддержки к

внадине, наблюдать за которой большие не было необходимости.

— Ничего не видно, Первый капитан. И я не могу прицелиться в ваших призрачных врагов, —
добавил уныло.

— И сейчас? — спросил Сантар, когда остальные офицеры собрались вокруг него.

— Огромная и золотая равнина, но нет следов нашего притарха. Или его стерти.

Сантар отключил связь. Его лицо походило на отшлифованное железо.

— Лорда Тануса нельзя убить, — заявил он, взглянув на Десаана, — но я не брошу его. Если

эльдары добрались до него, если каким-то образом поймали в ловушку, тогда мне жаль этих

глупцов. Они схватили расплавленный клинок голыми руками и сгорят из-за этого.

Его сердитый взгляд нашел Медуэна.

— Капитан, командуй батальонами. Направь их к местонахождению последнего

узла и подтверди

его наличие. Я останусь с пятьюдесятью
воинами, чтобы начать поиск нашего
повелителя.

— Ты все еще можешь объединиться,
подождать Артию и направить их на
поиски? — сказал

Медуzon.

Сантар был настойчив.

— Нет. Если они доберутся до нас, тогда я
использую их соответственно. В
противном случае, я
хочу следовать приказам Лорда Мануса и
найти узел.

Кивнув, Медуzon отправился собирать
Легион, а Сантар подошел к своему
товарищу и
заместителю.

— Дай мне пятьдесят своих лучших воинов.
Приведи Таркана и его снайперов, а также
Хенрикса.

Остальные пойдут с Медузом под его
командованием, пока я не вернусь.
Понятно?

- Да, Первый капитан.

Десаан задержался.

- Я что-то пропустил, брат-капитан? -- спросил Сантар.

- Где он, Габриэль?

Пока остальные легионеры готовились, Сантар оглядел бесконечную пустыню.

- Поблизости, надеюсь.

- А если нет?

- Тогда я буду верить, что наш лорд сможет выбраться из любых передряг, которые с ним

приключились. Ты должен сделать то же самое.

- Дело в штурме, Габриэль. Мы сражались с чем-то неестественным. В песках есть невидимые враги.

- Мир вокруг нас тяняется, Вакал. Ты и я видели это.

- Некоторые вещи нужно оставлять в темноте. Я не предвкушаю их возвращение.

Молчание Сантара намекало на его согласие.

Нир, вся галактика тянулась. Они чувствовали это, все Легионес Астартес чувствовали. Сантар

размышил, по этой ли причине Император вернулся на Терру, и что это значило для их будущего.

Даже любимые сыновья Императора не знали, и Габриэль видел, как сказывается на его

собственном отце вызванная этим боль.

Ожидая Десаана, который отправился собирать поисковой отряд, он прикоснулся к

собственноручно сделанным выемкам на боевом доспехе и задумался над Верой Железных Рук в

бионику. Кто бы ни были эти враги, они знали сильные стороны Легиона и как им противостоять.

Плоть и железо были тощным сплавом, но, как в каждом сплаве, чтобы добиться идеальной ковки, нужен верный баланс. В

этом момент их металл выглядел дефектным. Возможно, Медуэн был прав на счет объединения.

Теперь это не имело значения. Они были расстянуты, но победят. Это был путь Железных Рук.

Перед ними стояли пятьдесят легионеров, жаждущих действия, и он встретил их пристальный взгляд.

Кто-то или что-то захватило примарха. Сантару необходимо было знать, где и почему. И если он должен убить каждого ксеноса, прячущегося под камнями по всей пустыне, он это сделает.

— Квадрант за квадрантом, — прорычал он.
— Не оставляйте ни камня, братья. Вы —

личные преторианцы примарха. Действуйте как он. Найдите его.

...

Феррус Манус не чувствовал себя заблудившимся, и тем не менее это место

было незнакомо ему.

Это была пещера, огромное и отражающее эхо пространство, которое вело в бесконечную

темноту. Длинная, неровная трещина раскалывала сводчатый потолок, и он предположил, что

упал в незамеченную расщелину в пустыне.

Тусклый солнечный свет проникал сквозь трещину, но растворялся во тьме.

Он несколько раз попытался вызвать Морлоков, но радиосвязь не работала. Не было даже помех.

От ретинальных линз было мало пользы, и после нескольких серий пустых сведений он снял

боевой шлем.

- Насколько глубоко я нахожусь? -
попросился он вслух. Эхо отсутствовало, несмотря на

громадные размеры пещеры. Воздух был свеж и холоден. Он чувствовал его ласковое прикосновение к коже, но в воздухе был сильный запах масла и чего-то еще...

благовония. Аромат

был приторным, абсолютной противоположностью того, к чему он привык. Это было разложение и гедонизм; настолько далекое от твердости и дисциплины, насколько было возможно.

Когда его улучшенное зрение присоединилось к другим чувствам, ему медленно раскрылось
больше деталей окружающей обстановки:
колонны, линялые остатки резных фресок
и широкие
триумфальные арки, сделанные из камня.
Он увидел монолитные скульптуры. Все
они были
человеческими, но он не узнал ни лиц, ни
облачения. Каменные незнакомцы
смотрели на него
свысока разрушенными временем лицами.
Один - благородный воин без головы -
обвиняющее
указывал на него пальцем.
- Я не рубил твою голову, брат, - сказал

Феррүс и зашагал прочь.

Как и его голос, шаги Феррүса не оставляли эхо и он предположил, что это из-за некой

особенности геологии. Феррүс провел некоторое время с братом Вулканом, который просветил его о достоинствах и отличиях земли и камня.

- - Покажи мне, как превратить его в нечто функциональное и полезное, - ответил он, к большой
радости другого примарха. - В противном случае, в чем смысл?

Горгон и Дракон были похожими и, тем не менее, такими разными.

Феррүс последовал за ветром, надеясь, что он приведет его к какой-нибудь трещине, которую он мог бы расколоть и таким образом соединиться со своим Легионом. Бриз вывел его из огромной пещеры в широкую галерею, которая, однако, напоминала какое-то затонувшее

королевство

Старой Земли. Колонны подчеркивали
длинный темный путь и поднимались к
высокому потолку,
который исчезал во тракти. Земля под
ногами была темной. Стояла вонь пепла
крематория и
сожженной плоти. Стертного это могло
вывести из себя, но Феррүс далеко ушел от
подобной
слабости рожденных во плоти.

Черный песок...

Мысль пришла незваной, когда он
посмотрел на свои ноги.

Точно, как в долине.

— Возможно, гробница или тавзолей, —
вслух посчитал он. Но здесь не было ни
крипты, ни даже
реликвария, только галерея, которая
воняла смертью.

Куски отражающего обсидиана, черного
как земля, мерцали в свете кристаллов,
когда Феррүс
тишевал галерею. Он тельком увидел что-

то, или скорее часть образа, в прозрачном
камне. В

бездонной тьме пылал огромный пожар, и
что-то еще... Оно было знакомым, и в то
же время
чужим.

Словно хватаясь за разбитые осколки сна,
Феррүс не мог удержать образ целиком
достаточно

долго, чтобы четко разглядеть. Где бы он
ни остановился для лучшего обзора,
обсириан отражал
только лицо притарха, суровое и
раздраженное.

Возможно, это был очередной каприс
света и геологии этого места.
Несомненно, в нем было что-
то уникальное.

Феррүс сопротивлялся порыву извлечь
Сокрушитель Наковален и разнести
камень на куски, зная, что ничего не
добьется этим, и отогнал желание.

«Меня не проведешь так легко», — подумал
он и упрямо продолжил путь.

Он почти вышел из длинной галереи, когда что-то еще колынуло чувства притарха.

Феррис услышал... плач.

Может быть, проделка ветра? Он нечувствовал дуновения, но звук разносился довольно легко.

Это была скорбная песня, нечто столь зловещее, что просачивалось в его душу и наливалась

свинцом конечности. Притарху не приходилось когда-либо испытывать печаль. Она причиняла

ему боль при утрате сыновей в битве, но это был риск, неотъемлемый при том назначении, ради

которого их создали. Он принимал его. Он никогда не чувствовал истинную утрату и в том теперь она

овладела им, видимость реальной. Его разум наполнили образы братьев, убитых или близких к

стерти, труп его отца.

- Что это?

Гнев вытеснил печаль, когда Феррүс понял, что стал жертвой очередного колдовства чужих. Он не

погдался ей, вернув силу в свое тело только для того, чтобы печальная песня изменилась в что-

то еще, нечто худшее. В воздухе звучали предсмертные крики, словно в этом трачном месте

задержались какие-то призраки, вновь переживая свои последние мгновения перед смертью.

— Выходи! — потребовал Феррүс, разыскивая колдуна, который извёсил его своими чарами. —

Покажись или я разорву это место на части, чтобы найти тебя.

Его вызову ответил низкий скрежет далеких двигателей, режущее слух крещендо интенсивной

стрельбы и дикие вопли воинов. Тысячи звуков битвы смешались в ужасающую какофонию,

принуждая к убийству и смерти. Вокруг

примарха развернулась картина битвы, и
только ее он мог
слышать, да и то с огромной дистанции,
возможно через само время. Феррусу не
было

необходимости видеть ее, чтобы понять,
где бы и когда она не происходила, это было
аг.

Пока иллюзорная война продолжалась, он
распознал голос, от которого у него
застыла кровь.

Губы примарха покинут скрежет, слабо
подходивший повелителю битвы.

- Габриэль...

Он остановился и попытался
прислушаться, надеясь, что таким
образом опровергнет свои
подозрения, но грохот стих и вместо него
помещение наполнила тишина.

Дыхание, слабое и частое. Под боевым
доспехом, выкованным собственоручно
полубогом,

тяжело поднималась грудь. Окружившая
его внезапная тишина вызывала у Ферруса

новую и

нежеланную тревогу.

Маленький шаг, неуверенный и осторожный, снова вызвал аг в разуме. Еще один и крики стали громче. Еще и они почти оглушили.

- Габриэль!

Феррүс сердито всмотрелся в темноту, изучая каждую колонну, каждую тень в поисках своего

Первого капитана. Взбешенный и недоверчивый, он не отдавал себе отчета... В его измученном

разуме Габриэля Сантара жестоко убивали.

Затем других... Дессан, превращенный в пепел атомным пламенем; Рүүтэн, заколотый

полудюжиной спас; даже Кистор, Магистр Астронавтов, выплевывающий кровь и застывший в

предсмертной конвульсии... Тысячи умирающих голосов кричали одновременно.

Феррүс ударил по земле и понял, что

стоит на коленях. Атакованый

апокалиптическими

видениями, он поднял серебряные руки к
лбу в попытке отогнать их.

- Невозможно...

Он увидел нечто столь ужасное в своем
происходящем наяву сне, что евва мог
стириться с ним, не говоря уже о том,
чтобы выразить словами.

Более слабое существо могло сломаться,
но он был Гргоном и обладал ментальной
силой,

которую ему немногие бы приписали.
Жиллиман знал о ней и сказал ему, когда
им представилась

возможность поговорить наедине.
Кобальтовый и черный были могучей
стесью, негнущимся
сплавом.

Он упрямо встал, сначала одной ногой,
потом другой. Только решимость, которая
видела изрытые

горы и побежденных одной рукой чудовищ,
могла разрушить такие сильные чары. Он

чувствует

тяжесть в спине, как и в руках.

Я выдерживал большее бремя.

Гнев придал стойкость. Она стала расплавленным источником, из которого Феррус черпал силу со сжатыми от ярости кулаками.

Он зарычал на тени.

— Ложь! Ты показываешь мне эту фальшиву и ждешь, что я поверю в нее. Чего ты хочешь добиться?

Пытаешься свести меня с ума?

Его последние слова отозвались эхом, снова и снова.

Я выдержу. Моя воля нерушима.

Сгиснув зубы, Феррус пробирался сквозь ужас повторяемого снова и снова видения тучительной

смерти Габриэля. Оно накатывалось на него опустошительной волной. Гибель всех до единого

верных Морлоков сложилась в одну бесконечную бойню.

В хватке притарха с едва сдерживаемым неистовством гудел вырванный из ремней Сокрушитель

Наковален. Молот желал, чтобы ему дали волю, но, как и его хозяин, был разочарован. Реальных

врагов не было.

- Боишься постмотреть мне в лицо?

Темнота не ответила на вызов, если не считать гула бесконечной войны.

В периферийном зрении Горгона вспыхнуло пламя; обсидиановые осколки были наполнены им.

Смысл образов ускользнул от него.

Ему осталось только одно.

Обвалилась часть стены, расколотая яростью Ферруса. Прозрачный камень разбился, ударившись

о землю, но за этим не последовало никакого огня, не предсмертных криков.

Второй удар разрубил надвое колонну, и притарх наклонился в сторону, чтобы избежать падения

кристаллического дерева. Удар не был

неистовыи, а скорее резким и точным.
Феррисдвигался
целеустремленно, тщательно выбирая
удары и наблюдая за их последствиями. Он
искал брешь в
колдовских чарах, которой мог бы
воспользоваться. Проделав целую жизнь в
попытках избавиться
от слабости в теле и разуме, Горгон знал,
как ее находить. Поэтому он продолжал
идти и
медленно покинул галерею и ее ужасы.
Когда он приблизился к выходу из
помещения, к шуму битвы присоединился
другой звук,
скрываясь внутри первого, который только
примарх мог слышать. Звук был шипящий
и нес с собой
шорох чего-то змейного.
Глаза следят, холодные змейные глаза...
Кто-то охотился на него. Он уловил
теплыекиувший хвост, образ чешуи,
отразившей огонь от
обломков обсидиана.

Ярость уступила место спокойствию. Он не какой-то упрямый щенок, подстрекаемый хитрыми уловками.

Я - Горгон. Я - Медуза.

Шепот вернулся, в этот раз громче. Позади него. Сердце Ферруса успокоилось, когда он

попытался засечь звук. У него не было источника, он раздавался повсюду и нигде.

Мысленно

притарх развернулся, чтобы встретиться со своей немезидой и расколоть очередной кусок

галереи тощью Сокрушителя Наковален.

Вместо этого он опустил толстый пальцем и позволил ей упасть на землю с глухим металлическим стуком.

- Ты видишь веревочки на твоих руках? - спросил он тень, подняв Сокрушителя Наковален на спину.

- Я-то думал, что нет, - сказал Феррус после короткой паузы и медленно вышел из

галереи.

Кровавые образы и рев войны остались
позади.

• • •

Зернистый свет разогнал темноту, но
осветил только небольшую часть
расщелины, за
исключением уползающей местной
живности.

Сантар нашел щель в пустынной скале,
достаточно большую для его тела,
расширяющуюся
трещину в подземный мир, который,
казалось, полностью поглотил его отца.
Но никаких следов не
было. Его холодный голос раздался по
радиосвязи.

- Ничего.

Это был один из многих тупиков.

Он знал, что пятьдесят легионеров,
разбитые на небольшие поисковые отряды,
прочесывают
впадину и пустыню за ней. На данный
момент, безуспешно. Несмотря на их

усилия, они не

приблизились к обнаружению примарха.

Уделив половину своего внимания данным автотчувствиям, бегущим по ретинальным линзам, Сантар

приспособленно посмотрел на солнце.

Пылающая сфера вернулась более зловещей после того, как

рассеялось колдовское облако.

Воспоминания о психической атаке на Легион не спешили уходить.

Он сжал бионическую руку, наполовину ожидая, что она не подчинится его невральным командам.

Она подчинилась.

Сантар снял боевой шлем и позволил жаре накрыть его.

- Теняющийся мир... - подумал он вслух.

Открыв канал связи, он обратился к Дессану. - Как мог

подобный Гргону просто исчезнуть, брат?

- Сантар обвел взглядом равнину. Она была огромной

и холмистой, но щыпанной скалами и

нешерами. Он сомневался, что даже с флотом «Штормовых птиц» они найдут их цель.

— Каждый метр этой впадины нанесен на карту и изучен. Что ты пропустили?

— Что-нибудь из сенсориума твоего визора?

Раздался щелчок, когда Десант перепроверил данные.

— Остаточные энергетические показатели, но ничего, что ты могли бы отследить. Ничего такого, что имеет смысл.

После паузы он спросил: — Его действитель но могли убить?

Сантар приказал вести поиски только из-за слабой надежды. Глубоко внутри он знал, что его

повелитель пропал и найдется только когда пожелает, или скорее захочет этого.

Беспомощность не была тем чувством, что доставляла удовольствие Первому капитану.

— Нет. Его схватили, и я хочу знать почему.

Сантар собрался продолжить, когда получил входящий сигнал. Медүзон запросил доклад о продвижении боевой группы и предоставил обновленную информацию Первому капитану.

Первые дивизии Артии появились на сернообразной линии хребта, воззышающейся над долиной.

Они были медленны, но стойки, пехотинцы маршировали перед танковой колонной. Машины

Механикума расположились на флангах вместе с боеспособными «Часовыми».

Прошло больше времени, чем он думал.

— Принято, — передал он Медүзону. У него было ощущение, что он поперхнулся песком. — К нам

прибыли армейские дивизии. Удерживайте позиции и ждите подкреплений.

Сантар снова переключил каналы и прорычал по радио: — Перегруппироваться.

Дессан первым ответил.

— Медүзон?

Сантар кивнул.

- Они нашли узел.

Десаан настеничиво фыркнул.

- Славный день. Ты уходишь?

- Ты уже знаешь ответ, брат-капитан.

- Почему такое ощущение, что ты бросаешь его?

Остальные присоединились к ним и теперь пятьдесят легионеров шли снова вместе.

Отсутствовали только Таркан и трое других снайперов.

- Потому что так и есть.

Десаан нахмурился, но оказался достаточно тщедурым, чтобы придержаться языка.

- Брат Таркан... - произнес Сантар. Он стоял за край пустынной впадины, где она переходила в

большую равнину. Там построились воины Десятой Железной. - Ты уходишь.

Ответ Таркана был неожиданным.

- Я кое-что нашел, Лорд Сантар.

• • •

За сводчатым выходом из галереи лежала другая пещера.

Перед Феррусом открылся огромный подземный зал, намного больше предыдущего. Его сводчатый потолок терялся в темноте, хотя он разглядывал тонкую линию трещины в вершине.

Бездну раскалывал надвое узкий каменный пост, его естественные опоры терялись в траке. Под

постом простиралась бесконечная губительная тьма.

Феррус презрительно устремился к бесчестью такой сперти.

Он провел взглядом по каменной дороге, проследив ее траекторию через темноту до широкого

плато. От него поднималась лестница с узкими и крутыми ступенями.

Не успев осознать, Феррус уже стоял у подножья лестницы, глядя вверх.

Вдоль нее тянулись монолитные статуи, как те, что были в первой пещере, только намного,

намного массивнее. Каждая носила патрицианские тантии, руки были склонены на груди, а пальцы сплелись в форме аквилы. Статуи различали только их лица. Тотемические маски скрывали их

истинные сущности, или, возможно, обнажали их. Феррус чувствовал, что то и другое могло быть

верно.

Когда притарх сделал первый шаг, его взгляд привлекла одна из них. У нее были вместо волос

вьющиеся змеи, как у горгоны из

древнемиценского тифа. Он потянулся к ней, хотя статуя была слишком далеко.

Другая представляла скелетообразный аспект самой Смерти, в капюшоне, сжимающей косу, которая врезалась в ее костяной лоб. Лицо третьей было расколото на две, как у Януса из старой романской легенды. На притархах смотрели две маски, а не одна. Но было ошибкой считать, что у Януса только два лица, так как у него их было много.

Феррус увидел изображение жестокого рычащего пса, и почувствовал, как просыпается гнев, когда прошел титан. За ним был стоический дракон с гребнем из живого племени. Геральдический рыцарь стоял рядом с более темным близнецом, один со щитом, другой - с щупальцами.

На спине одной из статуй раскрылись

кожаные крылья. Ее маску летучей мыши было трудно отличить от человеческого лица, наводя мысль о странном отсутствии человечности.

Были другие: конь с разевающейся гривой, хищная птица, благородное человеческое лицо,

венчанное лавровым венком, лев под тонашеской сутаной.

Процессия состояла из двадцати статуй. Некоторые были знакомы ей, другие теньше и

выглядели не так, как он ожидал. У них были неуловимые отличия, даже отклонения, которые

Феррүс нашел беспокоящими. Только свое были абсолютно незнакомы ему, их маски были

исцарапаны и почти уничтожены.

Последняя статуя стояла посреди лестницы и смотрела на Феррүса, и он поднял взгляд, чтобы разглядеть ее.

В отличие от остальных у этой статуи руки были раскинуты, словно желая обнять его. На ней была

тактия каменщика, но более красивая и вычурная. Ее маска была прекрасна, почти идеальна,

если бы не угловатые стопровые щели и неровности на искусственных скулах.

- Фулгрим...

Феррус не собирался произносить имя брата вслух, но как только оно покинуло его уста, он узнал

возвышающегося над ним титана.

Воспоминания о Народной вернулись ностальгическим потоком, но в них была горечь, даже

настешка. Статуя улыбалась? Казалось, маска не изменилась, и все же в уголках ее рта был

легчайший изгиб. Жажда покарать заставила его серебряные руки самовольно сжаться в кулаки.

Она завладела им без причин и оснований, но вызвала такой гнев, такое чувство...

предательства?

Феррүс покачал головой, словно прогоняя долгий сон.

«Опять колдовство», — трачно подумал он, решив, что отдельно разберется со своим преследователями-чужаками. И тогда вернулся его шипящий спутник.

В этот раз он не был столь заметен. Звук раздался вместе с дуновением ветра или же сплещением

старого камня. В шорохе звучало что-то еще, и только такое существо, как примарх мог это понять.

Смысл было трудно отделить от нелогичных противоречивых элементов, скрытых в шипящей

подделки призрака.

Это было слово или фраза, но на данный момент она оставалась загадкой.

Охотник был позади него; Феррүс услышал шорох его чешуйчатого тела по нижним ступеням.

Окутанный тьмой, из-за которой внизу ничего не было видно, но тем не менее он

был там. Феррүс

представил, что преследователь ждет, медленно поднимая и опуская свое тело, его язык пробует

воздух на предмет его запаха. Он был терпеливым и находчивым охотником. Он ударит в нужный

момент, когда добыча не будет знать о его присутствии.

— Я тоже могу быть терпеливым, такой враждебный странник, — тихо сказал Феррүс и удивился своему спокойствию.

Феррүс печально вздохнул. Возможно, ему передалось немого прагматизма Вулкана.

Лестница вела дальше, и у него не было времени задерживаться. И желания тоже. Здесь

скрывалась смерть, он чувствовал ее в холодном воздухе и медленном срастании своих костей.

Если он задержится достаточно долго, она найдет его.

Когда Феррис быстро преодолел следующий пролет, он попытался выбросить из головы образ Фулгрима и то, как статуя внушила мысль о предательстве и охотнике, следовавшем за ним. Он понял, что не падал ни в какую расщелину. Это была не пустыня.

Это было что-то еще, что-то иное.

•••

— На что я смотрю, Таркан?

Сантар и Десаан стояли рядом со снайпером и еще двумя Железными Руками из Десятой. Боевые братья Таркана толчали, их пристрелянныie болтеры были опущены. Таркан присел и указал пальцем на углубление в песке.

— След, — сказал он, очерчивая контур впадины. — Здесь.

— Отпечаток ноги, — предположил Десаан, пропустив след через спектры визора. Для нетренированного глаза он был просто

еще одной неровностью пустыни.

- Несколько, - поправил его Таркан, указав на несколько следов, которые тянулись от первого

назад. - Следы заканчиваются здесь, - добавил он, посмотрев на Сантара.

Ретинальная оптика

снайпера были точной и безошибочной, как его прицел. Бионический глаз Таркана щелкал и гудел

при настройке.

- Где они начались? - спросил Сантар, пытаясь проследить следы к начальной точке.

- По твоей оценке в пустынной впадине.

- Они принадлежат Отцу?

Таркан медленно кивнул.

Найденный ими след ботинка был большим и глубоким. Только благодаря его размеру и

углублению песок не заметил его слишком сильно.

- Обратите внимание на более сильный нажим носка, - сказал Таркан, вытянув

боевой нож, чтобы

лучше объяснить.

Сверкающий

тономолекулярный кончик проткнул край следа.

— Он бежал, — сказал Десаан.

Сантар нахмурился и посмотрел на исполосованный солнечными лучами горизонт, словно ответ ждал там.

— Но от кого?

— Или к кому? — предложил Десаан.

Не было ни крови, ни обожженных темок, ни признаков борьбы. След просто закончился.

Сантар снова нахмурился, подавленный таким поворотом событий.

— Хорошая работа, брат Таркан, — сказал он, повернувшись.

Десаан был в замешательстве.

— Разве ты не продолжим поиск?

— Нет стыла, — сказал Сантар. — Где бы ни был Лорд Танус, ты не можешь добраться до него. Ты

нужны Медузы.

Ответ Десаана был тихим и предназначался только Сантару.

- Мы не можем просто бросить его, брат.

Первый капитан остановился, чтобы посмотреть на остальных. Таркан поднялся.

- Сейчас у нас нет такой роскоши, как выбор, Ваакал. Мы все еще на войне. По крайней мере,

здесь ты можешь что-то сделать.

Десаан неохотно согласился. Он тало что мог сделать. Это относилось ко всем.

Двигаясь по следам дивизий Армии, пятьдесят легионеров ушли из пустынной впадины и оставили

своего примарха его судьбе.

...

Птица. Нет, не просто птица, но огромная птичья тварь, сравнивая по размерам и размаху

крыльев со штурмовым кораблем, и чье великоление давно угасло. Ее преждегемуткие тычицы

зачахли и атрофировались, а крылья, которые когда-то могли быть позолочеными, теперь были изорваны и потускневши. Ее кожа свободно свисала со скелета, как пернатая тантия непомерно большого размера, под ней кучей ужасных переломов торчали кости. Это был

надальщик, чья последняя трапеза была далеким воспоминанием.

Мифы многих культур рассказывали истории о грифонах, василисках и гарпиях. По словам бардов и сказочников подобные твари истребляли целые цивилизации. Даже в своем ослабленном состоянии это чудовище убило бы их всех. С легкостью. Феррүс замедлился, приближаясь к существу.

- Тебе непросто будет проглотить меня, - пообещал он, приближаясь к вершине каменной

лестницы.

Когда Феррүс достиг последних нескольких ступеней, он понял, что птица не одна, но их две, и они

не падальщики. Это была пара орлов, хотя и чахлые. Каждый из них с любопытством смотрел на

примарха одним глазом, словно зная нечто, во что примарх не был посвящен.

Другой глаз ослеп

из-за какого-то несчастья.

Когда он подошел к ним, с их клювов сорвался крик, душераздирающий и гнусавый по своей

тональности. Горгон потянулся за Сокрушителем Наковален, но пальцы так и не коснулись

рукояти, когда он понял, что пара орлов не собирается нападать. Вместо этого существа

расправили свои некогда огромные крылья и взлетели.

Убивать их было жалко, хотя, возможно, стерть покончит с их страданиями и

станет актом

тилосердия. Удивившись тому, как он обрадовался, воздержавшись от убийства, Феррүс

последовал за первой птицей, которая полетела в темноту пещеры. Достигнув трещины в потолке, орел исчез. Феррүс позавидовал его крыльям, какими были слабыми они не были. Птица не смотря ни на что, тяжело влетела в золотой свет.

Его сыновья были наверху, отделенные от своего отца позолоченной трещиной в подбрюшье

тира. На несколько мгновений тень орла задержалась, и Феррүс почти мог потянуться и коснуться ее...

Второй орел полетел дальше в пещеры. Вопреки первоначальному убеждению, Феррүс понял, что

пара птиц не была полностью идентичной. В то время как первая была тусклою и сырой, в второй

птицы было более благородная и патрицианская танера держать себя, несмотря на потрепанный внешний вид.

Вызывающий, — подумал примарх, — даже знакомый.

Птица скользнула через открытый портал, вырезанный в каменной стене пещеры. Арка своим архитектурным стилем напоминала щивилизованную культуру, подобную старым империям древней Романии. Она вела в следующий зал, освещенный звездным небом.

— Снова холодный камень, — подумал он вслух, когда показались скалы из темного гранита.

Разочарованный чувством собственного бессилия, Феррис начал полагать, что эта дорога

бесконечна, что в этом лабиринте нет стысла.

Было бесстыдно сражаться с тем, над чьим у него не было власти. Хотя это

противоречило его

инстинктам, притарх уступил судьбе.
Пока. Он доберется до конца своего
путешествия, когда тот, кто поймал его в
эту ловушку, посчитает, что момент
наступил.

Тогда он уничтожит это существо со всей
яростью Медузы.

Что бы ни скрывалось внутри лабиринта,
оно не было непобедимым чудовищем.

-- Я убивал ётунов, -- сказал он самому
себе. -- Я убивал ледяных змеев голыми
руками. Ты

рискнул завлечь в ловушку горгона...

Небесные созвездия, освещавшие его путь в
следующую комнату, были во все не
звездами. В

стены были вставлены скопления
драгоценных камней, сверкающие в
окружающем свете. Порог

был мало примечательным, всего лишь
испещренная алмазами скала. Притарх
услышал слабые

хлопки крыльев, звучавшие как далекое

эхо, и так как не мог летать, то последовал за вторым

орлом вглубь освещаемой звездами тьмы.

Феррис почувствовал запах терпичины и холода. Что-то металлическое кольнуло его язык.

Зыг вокруг шеи начал раздражать и гореть.

В воздухе шипело дыхание змея.

Его агрессивный попутчик вернулся.

Ты, наконец, пришел за мной?

Феррис извлек Сокрушитель Наковален и небрежно держал его одной рукой. Оружие задирало

гудело в его хватке.

Я расколю твой череп, как яйцо, тварь.

Змей держался на расстоянии, двигаясь на периферии его чувств. Тварь знала, что примарх не

станет бросаться в темноту и атаковать ее. Феррис должен подождать.

Он выходил из себя, и существо знало об этом. Но понима-

простого подстрекательства, у змея была
другая цель в

предотвращении схватки. Он хотел,
чтобы притарх сначала увидел кое-что,
то, что змей сделал
для него.

Дальнюю часть комнаты словно затянуло
полосой из черного холста, свет
фальшивых звезд потух.

Феррүс стоял у ее границы, собираясь
ступить в затемненный мир. Казалось, он
изменялся даже
его силуэт, очерченный прозрачным
светом.

А затем все изменилось.

Темнота разделилась, как занавес.

Один за другим драгоценные камни
погасли. Линзы словно отмыто перерезанной
артерией —

кровавое зарево осветило помещение.
Перед Феррүсом раскинулась
отвратительная бойня, и он
нахмурился от ее отвратительности.

Воздух наполнил запах крови,

отягощенный горьким привкусом. Он
стумно осел в углах покрытого
каменными плитами пола, и поднимался
по влажным стенам грибковой заразой.
Белоснежный зал
измазали следы рук и ног, скользивших в
грязи. Мужчины и женщины умерли в
этом месте на
коленях, толя о своих жизнях, в то время
как палачи держали клинки у их шей и
животов. Стены
увешивали цепи с крючьями, покрытые
слоем мяса и готовые принять пир плоти.
В разуме Ферруса появились образы
ржавых секачей, запущенных резаков и
костных пил, хотя ни
один из этих инструментов мясника он не
видел.
Вместо этого с потолка на кусках
сухожилий свисали головы. Сотни
отсеченных голов лениво
покачивались на ветру, медленно
поворачиваясь и демонстрируя весь свой
ужас. Их лица застыли

в выражениях тики, некоторые с открытыми ртами в безмолвных криках; другие со стиснутыми от агонии зубами.

Озабоченный сыпью под горлом, Феррүс снова почувствовал призрачную боль от нанесенной ножом палача раны, которую он никогда не получал.

Или, пожалуй, не сейчас...

Мысль возникла неосознанно, словно ее внущили. Феррүс был слишком шокирован, чтобы сопротивляться ей.

Открытие накладывалось на открытие, пока он, наконец, не узнал воина в лицах, висящих перед ним голов.

Измученный, искаженный от невыносимой для смертного боли, Феррүс никогда раньше не видел настолько кошмарного зрелища.

Каждое лицо принадлежало ему.

Ярость железа

Выступая из песка наподобие обломка изогнутой кости, он выглядел достаточно заметно. Когда

Габриэль Сантар прибыл на поле боя, он задумался, почему они так долго искали эльдарский узел.

Уничтожьте узлы и нарушьте сплоченность врага. Как и в случае с оборванной линией связи, тогда возможность эльдаров координировать свою оборону была бы серьезно затруднена.

Разрушьте

узлы и разбейте врага. Это были приказы Лорда Мануса, как его Легиону, так и братьям, ведущим

войну где-то еще на Один-Пять-Четыре Четыре. То, что примарх так не увидит, как осуществится

его план, причиняло боль.

Но этой и многим другим причинам Первый капитан очень хотел, чтобы

повелитель был с ними.

Морлоки вместе с небольшим отрядом снайперов Таркана вернулись к голове многочисленной

танковой колонны Армии. То, что осталось от армейских дивизий, в основном даганские

истязатели и часть вериганских корректов, прошли этот путь, цепляясь за поручни или сидя на

башнях более крупных машин. Некоторые механизированные части тоже осилили пустыню, и

вместе с несколькими «Часовыми» везли оставшихся сааванских матонитов.

Непрепаные части, но все же подкрепления.

Судя по безвыходной ситуации с узлом и его защитниками они прибыли недостаточно быстро.

Сам узел был огромен и прикрыт покрывающим энергетическим щитом, который Железные

Руки пытались разрушить. Сантар не

видел ни источника энергии, ни объекта,

которые они могли

атаковать и уничтожить, чтобы
сокрушить оборону. Щит генерировал
какими-то другими
способами, неизвестными им.

Тяжелые попадания расцвели ярко-
лазурными взрывами, и щит колыхнулся,
рассеивая их
взрывную энергию по своей изогнутой
поверхности.

Руман отказался признавать поражение.
Его «Рапиры» и ракетные батареи вели
непрерывную
стрельбу, наполнив воздух шумом и
активической вонью. Клубы дыма слились
в пелену, которая
опустилась с вала, на котором
Железнотелый расположил свои
дивизионы, на наступающие внизу
роты Медузы.

Сантара встретил Бион Хенрикос,
который резко отдал честь, увидев
Первого капитана.

Пока Медужон следил за битвой, он передал командование над Железной Десятой громадному сержанту. Эти воины с нетерпением ждали боя, в то время как авангард Медужона с Морлоками на острие пытался пройти несколько сот метров открытое пространства и приблизиться к щиту.

— Ты можешь использовать армейские дивизии? — спросил Первый капитан прежде, чем Хенрикос смог озвучить приветствие. Времени на соблюдение любезностей не было. Среди офицеров

Железных Рук сержант более всех сопереживал людям. Сантар просто хотел воспользоваться этим и сделал это в своей небрежной манере.

Ни слова не было сказано об операции или притархе. Сержант был не вправе задавать вопросы, тем не менее, бросил быстрый взгляд на

Десаана, который стоял в шаге за Первым капитаном.

Должно быть Десаан коротко покачал головой, потому что Хенрикос напрягся от горя и гнева, но

быстро вернулся к своим обязанностям. К чести сержанта он провел оценку состояния

прибывающей колонны.

— Чуть меньше пятнадцати тысяч человек и шестьдесят три исправных ташин, — сказал Хенрикос.

— Да, милорд, думаю, я смогу использовать эти части.

Сантар кивнул.

— Хорошо. Они потрепанны, брат-сержант, — предупредил он.

— Готовы к бою, — возразил Хенрикос.

Улыбнувшись внутри шлема, Сантар согласился: — Действительно. — Ему нравился этот Хенрикос, его упорный дух.

— Где капитан Мегузон?

Могучие ряды плавленных пушек и орудийных платформ «Тарантул»

грохотали по всей боевой
линии, наполняя тыловые эшелоны светом
и громом. Хенрикос подождал несколько
секунд, пока

их залп не стихнет, после чего указал на
северо-восток, где располагался командир.

Сантар увидел Медуэна и его свиту, но
его взгляд последовал далее к щиту, после
того как

плазменные следы и дым от тяжелых
бомбардиров рассеялись. Он ожидал увидеть
трещину в

эльдарской броне, даже разлом. Ничего.
Щит все еще держался.

- И так весь последний час, - сказал
Хенрикос.

Сантар недовольно заворчал.

- Немедленно подключайте артиллерию
Армии. Я хочу услышать ее с передовой
линии, когда

будут стоять рядом с этим
энергетическим щитом.

- Мы пробьем брешь в нем ради тебя,
тилорг.

- Следи за тем, что делаешь. Плоть слаба, но эти танки из стали, - напомнил он Хенрикосу.

Сантар больше не стал задерживаться. Он направился к Медузону.

- Десаан, со твоей, - прорычал он, наблюдая за безрезульматным обстрелом, который продолжал поливать щит.

- Их сопротивление впечатляет, - сказал капитан Десятой Железной, когда подошел Сантар.

- Ты кажешься удивленным.

Медузон держал голопланшет в бионической руке и оценивал тактические диспозиции своих сил.

Тяжелые дивизионы вели поддерживающий огонь, в то время как три клина Железных Рук из

Шестнадцатой, Тридцать Четвертой и Двадцать Седьмой клановых рот непрестанно атаковали укрепленные траншеями позиции эльдаров. Сантар узнал символы кланов

Ворганан, Буркхар и
Фелг, неутомимо сражавшиеся впереди.
Он знал, что в центре, где огненный
штурм был наиболее ожесточенным, он
найдет клан Авернии, своих Морлоков.
Судя по неподвижности ветеранской роты,
они тоже зашли в тупик. Ни один из
Железных Рук так и не добрался до
самого щита.

Крупные силы эльдаров перед ним,
действующие в качестве волнолома,
также отступали за него.

В резерве находились воины клана Сорргол
из Железной Десятой, друзья и родня
самого

Медузона, а также кланы Кадоран,
Локонт и Унгаварр, которые вели сильнейший
огонь с

воззвишенности. Даже со всей имеющейся в
них распоряжении мощью Железные Руки
не могли

пробить эльдарский экран.

В пятистах метрах перед ним сражались
воины из плоти и железа Медузона.

Ряды легионеров неутомимо шагали в
настъ врагу, болтеры вели постоянную
стрельбу. Медузон

расположил среди основной массы
батальонов теньшие дивизионы
конверсионных излучателей и
гравитационных пушек, которые выдавали
себя спорадическими дульными вспышками
и

искрящимися лучами энергии. Но враг был
непоколебим.

- Они крепче, чем ожидалось, - признался
Медузон. На его боевом доспехе чернели
следы от

ожогов, указывая на то, что он ранее
пытался взять штурмом аванпост и был
отбит.

- Думал они легко уступят, брат-
капитан?

Голова Медузона слегка дернулась, когда
он понял, что с Сантаром нет примарха.

- Горгон? - спросил он, хотя его тон
подсказывал, что он не был уверен, хочет
ли знать ответ.

- Исчез.
- Когда он вернется? - Он не предполагал, что притарх погиб, это было недопустимо, но тень такой вероятности прошла по лицу Медуэона, подобно темной туче.
- Он вернется? - проскрежетал он, кулаки сжались по собственной воле, когда на него снизошла мстительная ярость.
- Мы не смогли найти его. - У Сантара не было ответа.
- Он будет зол, когда вернется.
- Сантар указал на голопланшет с изображенные таневры войск, изображеные на нем.
- Вот, что я хотел бы видеть.
- Они полностью окружены, - сказал Медуэон.
- Резервные части Железных Рук выдвинулись, окружив узел и его защитников в кольцо черного керамита.

- Тем не менее, осаждать врага - это не наш путь, не так ли, Шаграк?

Мегүзон свирепо улыбнулся.

- Да, первый капитан. Не наш.

- Они стойко держатся.

- Кажется, ты восхищаешься ими.

Сантар не отводил глаз от голопланеты, думая и планируя. В качестве адъютанта он многому научился у Ферруса Мануса. Горгон часто стоял в тени Жиллимана, но он был столь же искусным

тактиком. Другие заявляли, что его единственным недостатком была его упрётость, делая его

немного близоруким. Хотя Сантар никогда не говорил об этом вслух, он считал, что у Горгона

также не было терпения Боевого Царя к бесконечной проработке планов действий.

- Восхищаюсь ими? Нет, - ответил Сантар с абсолютной уверенностью. - Я хочу лучше понять их, чтобы уничтожить. - Затем добавил. - Ты хоты

раз пробил энергетический щит?

- Ты даже не добрались до него. Я ждал их капитуляции, когда они столкнулись с нашим

очевидным численным превосходством,
Первый капитан. Это логично.

- Возможно, в эльдарской культуре нет понятия неизбежности.

Молчание Медужона подразумевало, что он не понял сказанного.

- Какие предложения? - спросил Сантар.

- Ударить их посильнее, бросить большие воинов на укрепления, пока они не падут.

- К счастью я привел с собой тех, кому не терпится воссоединиться с членами своего клана.

Морлоки позади него рвались в бой.

Медужон бросил на них быстрый взгляд.

- Тоже голодны.

- Война далекое от утонченности занятие, Шадрак, - сказал Сантар. -

Иногда ты просто должен

воспользоваться дубинкой побольше.

Покажи мне, куда бы ты хотел, чтобы она
ударила, и мы

проделаем эту брешь для тебя.

- Звучит ободряюще...

Медуэн поднял руку, прервавшись, чтобы
выслушать доклады по радиосвязи от
разных

командиров, выдвигающихся или
теняющихся позиции. Закончив, он
посмотрел на Сантара.

- Я посчитал, что ты примешь
командование после своего возвращения,
Первый капитан, и уже
отправил диспозиции наших частей на
твои региональные линзы.

- Нет необходимости, - сказал Сантар. -
Ты командуешь, брат. Я хочу испачкать
свои когти в
крови ксеносов.

Медуэн ударил кулаком по груди, не сумев
сдержать свою гордость за оказанное
Первым
капитаном доверие.

- Тогда пусть обрушится твоя ярость,

тилорг.

Когда слова запечатились в радиоканале Сантара, на его ретинальном дисплее вспыхнул значок.

На него наложились диспозиции других частей. Оставшиеся Морлоки наносили главный удар,

сойдясь с эльдарами в ближнем бою. Здесь оборона была самой крепкой, здесь чужие носили

более тяжелую броню и располагали самым тщенным оружием и орудийными платформами.

Даже на расстоянии битва выглядела свирепой.

Игнорируя бойню, в которую он почти вступил, Сантар тщательно изучил далекий щит, словно мог разглядеть слабость, просто взглянув на него.

- Но-твоему, как глубоко он простирается, брат?

Медузон проследил за взглядом первого капитана. Он улыбнулся, когда понял на

что намекает

Сантар.

Сантар прикоснулся пальцем к горжету, чтобы открыть канал связи.

- Железнотелый.

Рүүтэн ответил между двумя громкими залпами тяжелого оружия.

- Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для теня... - сказал Сантар и передал план.

- Ты - молот, - сказал Медузон, когда Первый капитан снова отключил канал связи.

Молниевые когти Сантара высокользнули их ножен. Он выпустил потрескивающую энергию по

лезвиям.

- Значит, настало время, как следует врезать.

С показным и кипящим высокотерией Сантар прошел вперед через ряды Железных Рук, которые

расступились перед ним и его свитой Морлоков. Он прикрепил шлем магнитными застежками к

набедренной пластине. Капитан был более
уязвим без него, но воинам вокруг него
нужно было

видеть его лицо. В отсутствие примарха
он должен был вдохновлять.

За маской свирепости он скрывал желание
сражаться рядом со своим повелителем.
Он не мог

себе представить, что когда-нибудь будем
не так.

Сантар поднял железный кулак и заревел:
- Железо и смерть!

Настойчивый голос внутри Сантара
проник в воинственный клич и гремел
откликом его

подчиненных, которым было сложно
пренебречь.

Отец, где ты?

...

Феррус нахмурился.

- Жалкие трюки, - решительно заявил он,
хотя ни один из висящих черепов, казалось,
не слышал
его.

Смерть не лишила присутствия духа Горгона, даже перспектива собственной давности-давно, в

бездлюдных пустошах Медузы он стирался с неизбежностью собственной смерти. Он проживет

больше большинства людей, возможно, даже тысячелетия, кто мог сказать, где пределы

генетической науки Императора? Но он был воином, а воины, в конце концов, встречают свой

конец на острие течи. Феррус надеялся, что его смерть будет славной. Он также надеялся, что

однажды наступит мир. Но без войны, размышил он, чем станет его предназначение?

Хмурый вид превратился в устеник, щёкбы Ферруса саркастически изогнулись при виде

подвешенных образов, предвещающих его гибель. Горгону, обуреваемому праведным негодованием, пришлося сопротивляться

желанию уничтожить их всех.

Даже без иллюминации драгоценных камней видимость была достаточной, хотя свет пытал

багрянцем и пульсировал как вена. Черепа были достаточно далеко друг от друга, чтобы пройти, не касаясь их. Дуновение ветра развернуло одну из голов лицом к Феррусу.

Он улыбнулся терпкому гвардии сощуренными холодными глазами.

— Я бы сделал более симпатичный труп, — сказал он и улыбнулся. Замечание было подходило

фугриту. В ответ на мысль о брате, в ушах примарха раздался знакомый звук — шипящий

диссонанс, который следовал за ним по пятам.

Охотник вернулся. Возможно, он никогда не уходил. Феррус обратил на него все свое внимание, потому что угроза была реальной и близкой. Он был с ним в пещере, скользя рядом, повторяя

каждый его шаг.

— Выходи на свет, трюс, — прорычал притарх. — Я хотел бы видеть врага, который хочет убить теня сотню раз. Я докажу ошибочность такой самонаадеянности, даже если ты умрешь только один раз.

Его враждебный спутник не ответил.

Феррүс пошел дальше.

Посередине жуткой бойни черепа висели так плотно, что у Феррүса не было выбора, кроме как пройти через них.

Используя Сокрушитель Наковален в качестве стрекала, он осторожно оттолкнул в сторону одну из голов.

Медленный стон покинул терпкие губы. Вторая голова повторила за первой, затем третья и четвертая. Каждый из разлагающихся черепов, охваченный внезапной и ужасающей эпидемией, присоединился к зловещему хору.

Они были живыи. Возвращенные из ада,
эти призраки, носящие плоть Ферруса
Мануса,

вернулись, чтобы преследовать его.
Отвращение, гнев и неверие сражались
внутри притарха, и
он попятился, ожидая нападения. Череп
задел его шею. Высохшие губы коснулись
его кожи,

словно целая. Отпрянув, он столкнулся с
другим, расколов его скull. Посыпались
осколки кости.

Зуб вонзился в его наплечник. Феррус
вытащил его, зарычав, когда стоны
превратились в вопль.

Звук был низким и обвиняющим.

Ты сделал это с нами...

Ты обрек нас на эту судьбу...

Ты в заточении из-за тебя!

Феррус сжал кулаки и сжалил зубы.

- Заткнитесь! - прошипел он. Его ярость
кипела, и он резко развернулся, выставив
перед собой

Сокрушитель Наковален.

Первые должны оставаться первыми...

Такое унижение только подтверждало слабость плоти и ее возможное разложение. Тот факт, что это был вид его собственной смерти никак не повлиял на Горгона. Раньше он сдерживался,

позволял своему рассудку останавливать руки. Теперь он сжимал каждый жалкий череп в костяную пыль и воспоминание.

В темноте телькнула серебряная полоса, свет бойни заструился по ней, как охлажденная кровь...

Первый удар Ферруса так и не последовал. Его позвоночник охватила адская боль, почти скрутив хребет вдвое. Пластины брони затрещали от

внезапных и сильных конвульсий притарха, расколоввшись, как горячий метал, который слишком

быстро остудили. Вены Горгона наполнила боль, которая убила бы сотню более слабых людей, и

она почти сокрушила его. Феррүс согнулся, опустившись на одно колено. Выплевывая токроту и

кровь, он гневно заревел и поборол яд. Прозрачное серебро чудесным образом охладило, но не

очистило пытающую рану, и притарх выпрямился. Одной рукой Феррүс сжал кисть другой. Та

пульсировала ног пальцами из живого металла, говоря о том, что он ранен. Хуже того, он ослабел.

Сокрушитель Наковален куда-то подевался, высокользнув из онемевшей хватки и с лязгом упав на землю.

Он осторожно поднял руку, словно взглядаваясь под доспех и ожидая увидеть признаки гангрены.

Две раны, глубокие и широкие, как от ударов ножа, пронизывали его металлическую кожу. Раны пузырились ядом, и Феррүс недоверчиво стопрел, как живой металл разрушается

у него на глазах.

Словно ужаленный, он отдернул другую руку, опасаясь, что яд перекинется на нее.

Ног

стекающим серебром обнажилась
обожженная и покрытая волдырями кожа, и
в ней родилось

вспоминание...

Стоит у края лавовой бездны, над ним зверь.

Вышавший холодом и серой.

Руки ободраны и кровоточат, но
достаточно крепки, чтобы ломать
наковальни.

Зверь слабеет. Битва между ними не
прошла даром.

Расплавленное серебро на его боках
отражало свет магмы и мерцало таревом.

Такое великолепное существо.

Он все равно убьет его, вне всякого
сомнения его превосходство доказано.

Я сильнее.

Клыки обнажены, яростная песнь на его

устах.

Он докажет это.

Он найдет способ пробить его сверхъестественную плоть и убить существо.

Лава танила. Его кузница.

Здесь творилось и уничтожалось оружие.

Я докажу, что сильнее.

Я должен, иначе что он сделает со мной?

Воспоминание исчезло, струйное и расплывчатое. Тиф и действительность сплели один рассказ,

который заставил его задуматься над истиной собственного происхождения.

Отвлечение было

типолетным. Необходимость выжить и его инстинкты воина взяли вверх. Вместо поисков

Сокрушителя Наковален Феррус сорвал с пояса спату, широкий, остро наточенный и смертельный

клинов. Его раненная рука, онемевшая от смертельного яда, безвольно висела. Феррус взял теч в

левую руку, приспособив стойку и хватку, прежде чем сделать разрез на кисти, чтобы выпустить

яд. По раненной руке заструилась жгучая желтая жидкость, похожая на кислоту, стекая с

окровавленных пальцев. Боль уменьшилась, как и глотон в его черепе, некоторому словно стучала дюжина кулаков.

Мою голову будто сносят с плеч...

Игнорируя повторяющие сотни раз его собственным голосом предсмертные хрипы, Феррүс

внимательно следил за тенями. Он быстро повернулся на серебряный проблеск в периферийном

зрении, который вспыхнул со скоростью предупредительного маячка.

Сверхъестественные рефлексы спасли его от очередной раны. Он нанес удар, но тварь была

невероятно быстрой и ускользнула от разъяренного примарха.

Змееногобная, но не похожая ни на одну из змей, с которыми встречался Феррүс. Серебряная

чешуя напоминала зверя, с которым он сражался давным-давно. Тогда звезды были всего лишь

кусочками гранита в темном небе, и было только Медуза и бесконечная арктическая ночь.

Скрытый тенью, образ твари был им полетным, но знакомым.

Возможно, ты встречались раньше...

Шорох хвоста заставил Горгону повернуться, и он снова ударил, но рассек только воздух. Он

замедлился. Несмотря на удаление яда, жжение от раны поднималось к плечу и выше. Фантомная

боль, которую он ощущал вокруг горла с момента прибытия в пустыню, нестерпимо пылала.

В действительности или воображаемом эта тварь смогла ранить его. Извлеченная из какой-то

бездны Старой Ночи она подтвердила в
этом подземелье желание убить его.

Тюремщики Ферруса

знали его прошлое, его изначальные
страхи и желания, и изводили его
видениями воображаемого
будущего. Они держали ниточки
неосуществленной судьбы и смотрели, как
колебания сказываются
на поведении притарха.

Феррус знал, что не может сдаться.

Безумие начало сказываться на его
чувствах, так как яд змея сделал свою
работу.

Держись.

Слово было его символом надежды.
Утратит его и будет выброшен в
бесконечное море хаоса.

Шипение живого металла, стекающего с
его руки на землю расплавленными
 каплями, заставило
 притарха повернуться. Он встряхнул
 головой, чтобы избавиться от тглы,
 грозящей на краю

зрения.

Василиск, химера, гидра, у таких демонов было много имен и форм. Эта тварь не была ни одним

из них. Но она была могучей. Иначе не разрушила бы то, что считалось нетленным.

Неужели нет ничего нетленного?

Кем были и неистые гиганты и ледяные драконы в сравнении с этой тварью?

Феррүс отбросил недостойные мысли, осознав, что их навязывали ему. Неистовое ядро, кипящее

под его холодной наружностью, начало изливаться. Он крепче сжал спату, и намотанные на

рукоятку кожаные ремни заскрипели.

Оружие было гаром Вулкана, и воспоминание о брате дало ему силу.

-- Я выковал его для твоей руки, Феррүс, --
сказал он. -- Это твой теч, он не ровня
Сокрушителю

Накованен, но я надеюсь достойное оружие.
Ты окажешь мне честь владея им.

Феррүс перевернул его в руке, холодные глаза пробежались по филиграню и витиеватой инталии, инкрустированной камням и ноктюрнианской надписи. Тонкие зубья были бритвенно-острыми, темалл, из которого их выковали, крепким.

Не обращая внимание на очевидную красоту оружия, Феррүс сразу же увидел его потенциал течи, но решил быть грубым, вместо того, чтобы похвалить мастерство брата.

-- Зачем ему нужно такое украшение? Смогу ли убивать своих врагов лучше благодаря нему? --

На его лице появилась ухмылка, которой Феррүс, оглядываясь назад, не гордился.

Вулкан и бровью не повел.

-- Это превосходное оружие -- признал он. -- Когда я обнажаю теч, я хочу, чтобы мои враги знали, что они встретились с оружием короля-воина, направляемым его рукой.

-- В таком случае тебе следует скорее

оружовать молотом для творения, челям
клиником для
разрушения?

В ответ Вулкан улыбнулся, и этот жест
был теплым, как жар лавы.

-- Ноктюрнцы pragматичны, мой брат.
Пока война необходима, я буду сражаться,
но надеюсь, что однажды отложу свой меч.
-- Его глаза вспыхнули огнем. -- До того
момента я буду
поддерживать свой спертоносный клинок
наточенным.

Феррис кивнул и спрятал в ножны клинок,
прицепив его к оружейному поясу.

-- Мне может понадобиться нож, -- весело
сказал он, и прикоснулся серебряной рукой к
бритому
черепу, -- когда рабы не побреют
достаточно коротко.

Они засмеялись, Горгон хрюпал и грубо,
Дракон зычно и радужно, разделив редкий
момент

легкомыслия, пока крестовый поход не
развел их по разным путям. До Один-Пять-

Четыре Четыре.

Воспоминание о том дне исчезло в отражающем металле клинка.

Феррус назвал его Дракен в честь своего брата. Сейчас он нуждался в его остроте и был рад течу.

Также как и в галерее мавзолея стены бойни были из полированного обсидиана. Их зеркальная

чернота тянулась в бесконечность. В ней отражались головы, но в тире-гвойнике они были

покрыты плотью. Разорванные артерии пульсировали, извергая кровь. Она забрызгала его брови, все еще теплая и живая. Рана была свежей и пылала на шее настоящего Ферруса, который

боролся с отвращением от спектакля, представленного в темном стекле.

Отсеченные

окровавленные головы стоялись, все в единой. Они стоялись над ним.

-- Идиом!

-- Слабак!

- Ненужный сын!

Это последнее оскорбление застряло в его горле. Феррус был выдающейся личностью, а на

Мегүзе королем королей. Никто не мог сравниться с ним. Но когда появился отец и привел его к

семнадцати выдающимся братьям, он понял свое место. В отличие от Вулкана, который принял

свое положение охотно и стиранно, Феррус был недоволен. Разве он не ровня своим братьям?

Когда встретишься со славой Гора, великолепием Сангвииния или даже упрямой твердостью

Рогала Дорна, легко поверить, что некоторые сыновья будут ждать в стороне, пока несколько

избранных осуществлят великий план отца для галактики.

Феррус жаждал этого света для себя, хотел быть равным. Он не был тщеславным; он просто хотел

быть признанным. Вся его жизнь до этого самого момента прошла в поиске силы. Он не мог

поверить, что все сделанное было второстепенно. Феррүс не мог поверить, что его отец вывел его из одной тени только для того, чтобы ввести в другую.

Ты будешь гордиться твоей, отец. Я докажу свою значимость.

— Давай же! — заревел он, но вызов остался без ответа. Тварь прыгнет на него из теней и убьет тысячей укусов.

Бесславная стерть.

Феррүс не примет ее.

Но тварь была быстрой. Примарх должен был нанести удар, а бросаясь на егвасуловимые образы, он не добьется победы. Она хотела извести его, заставить ослабить защиту и открыться, чтобы потом нанести стертельную рану.

Он заметил уголком глаза неожиданное движение и проследил за ним, держа теч в

оборонительной позиции - плашмя и
отведенным от себя.

Было сложно удержаться от применения
силы; вся его жизнь заключалась в этом.

Ярость гремела в ушах, как перезвон
колоколов. Он сосредоточился, и гул
утянулся до

приглушенного грохота. Тварь была
близко, хотя и не выдавала своего
присутствия. У Ферруса

было ощущение, словно он каким-то
образом был связан с ней, возможно из-за
куса и порчи ее

яда. Он хотел причинить ей боль за это,
сравнять счет, а затем уничтожить.
Поток внутреннего

гнева метнулся к границам его сознания,
почти перейдя от мысли к действию.

Он вспомнил кузню и утешение, которое
получал при обработке металла.
Единственный бальзам

для его ярости, единственная вещь,
которая могла успокоить его неистовый
гнев. Несмотря на

него, Феррүс проявил терпение, даже если иногда испытывал ощущение, что хватается за дым. В

отличие от Вулкана терпение не давалось ему легко. Оно было первым уроком для всех кузнецов.

При закале нельзя было торопиться, тем более нужно время, ему необходимо ждать, пока он не

будет готов; как и Феррүсу.

Он увидел лежащий на земле Сокрушитель Наковален, но подавил желание схватить его. Этого хотела тварь. Она ждала, что Горгон подойдет к нему.

Мечи Вулкана было более чем достаточно. Он верил в мастерство брата.

Он должен был сказать ему об этом.

Феррүс закрыл глаза и прислушался. Он услышал тихий и скрежещущий повтор, почти

приглушенный окружающим шумом.
Шипение змея.

А теперь я рассставлю сети...

Не видя, он был уязвим.

Поэтому он опустил меч, позволил руке
повиснуть вдоль тела.

Он прислушался, позволив сердцу
успокоиться.

Какофония терпких притихла, голос змеи
стал громче, и Феррис различил два слова.

Ангел...

Одна лишь мысль о словах вызывала боль,
словно они несли силу вне своего
буквального
значения.

Экстерминатус...

Слова были скрыты в многократно
повторяющемся шепоте твари, в высоте
тона и подделки, как
тайная нота в идеальной симфонии
виртуоза.

Они ничего не значили для него, тем не
менее, он чувствовал силу их значимости,
как будто слова
обрели физическую форму.

- И небеса пытали его сияющей красотой...
- Слова пришли к Феррүсу незваныты, словно

принадлежали другому, у которого не было силы произнести их.

Здесь было нечто темное, какое-то зло вторглось в подземелье, с которым было связан Феррүс. Он

задумался над тем, понимали ли это его пленители.

Размышлять об этом не было ни времени, ни стыска.

Затаив дыхание, Феррүс услышал скрип темноты, который предвещал нападение твари,

Доверившись инстинкту, он ждал, пока змей не оказался совсем рядом, и тогда нанес удар. Меч

рассек чешуйчатую плоть.

Глаза Феррүса резко открылись, как бронированные визоры, и он снова ударили. Наградой был рев

боли. Когда он выдернул Дракен из теней, его лезвие было покрыто пролитой кровью.

Это была не кровь, но зловонная жидкость пурпурного цвета, прилипшая к течу.

Он ранил тварь. Ее шепот, наполненный гневом и болью, стал громче. Скрип металлической

чешуи о камни стих -- чудовище отступило в темноту. Феррус несколько минут не двигался,

прислушиваясь, не вернулась ли тварь. Рана в руке пульсировала зловонной энергией, а

серебряный блеск почти полностью выгорел, оставив после себя окровавленную и наполненную

болью конечность. Спрятав спасенную ножны, притарх наклонился, и его пальцы сомкнулись вокруг

руками Сокрушителя Наковален, словно оружие и его хозяин разыскали друг друга. Никогда его

молот не ощущался таким тяжелым и громоздким.

-- Плоть слаба... -- пробормотал он и

проклял свое бессиление усмирить силы, которые сговорились против него.

К нему вернулось воспоминание о фразе, скрытой в голосе змея.

Ангел Экстерминатус.

Также как и стысл злодеяния, которое она несла. Чье-то другое сознание вложило слова в его

разум. В отличие от большей части этого кристаллического лабиринта, они не ощущались как

предупреждение. Это было обещание, пророчество.

Феррис был слишком слаб, чтобы разгадать его. Его лоб покрыл лихорадочный пот, когда он, пошатываясь, преодолел последние метры бойни и двинулся туда, где его ждали новые ужасы.

После исчезновения змея, висящие черепа перестали говорить и снова стали первыми. Ветер

стих, и они также перестали вращаться,

от чего стало легче избегать прикосновения к ним. Даже их черты стали менее похожими на его, а вид не таким устрашающим. Теперь Феррүса влекла единственная мысль. Как медужанская сухопутная акула он продолжал идти. Остановиться значило умереть.

Он осилил три ступеньки, прежде чем упасть, и его накрыла тьма.

• • •

Холодная аура костяного святилища была насыщена возмущенной энергией.

— Это тревожит тебя, — сказал Прорицатель.

— Оно не должно было пробить дорогу склеп, — ответил другой.

— Осторожно, я вижу, как в твоем настроении проявляется Кхейн. Вернись на путь.

Второй пока не был готов уступить.

— Мой гнев обоснован. Ему не суждено было умереть. Не здесь. Не от этого.

Прорицатель пристально посмотрел на другого. Его взгляд был задумчивым и непостижимым.

— И все-таки его жизнь под угрозой. Ты добавил в воду судьбы достаточно крови и рано или поздно появятся акулы.

— Оно вообще не должно быть здесь.

— Костяные дороги, по которым ты странствуешь, далеко не безопасны. Современ падения, ты знаешь это. Ты так удивлен появлению чего-то злобного?

Настроение другого стенилось с гнева на меланхолию.

— Что можно сделать?

— Освободи его и спирись с неудачей.

— Мы слишком близки к этому.

Прорицатель прислонился к выступу изогнутой кости и сложил руки на коленях.

— Тогда ты должен позволить судьбе идти своей дорогой и надеяться, что он сможет победить то, что ты впустил в свою

клетку.

Последовала пауза, которую Прорицатель предпочел не заполнять. Он просто наблюдал. Другой

был раздражен, руководствуясь эмоциями и разрушенными амбициями. Прорицатель не нуждался

в предвидении, чтобы догадаться, о чём собирался спросить его товарищ.

— Что ты видишь?

Вопрос отдавал отчаянием.

— Ничего. Все. Я вижу тиллиарды вариантов будущего и возможных последствий, некоторые столь бесконечно разные, что можно провести эры разыскивая изменение и не найти его.

— Это не ответ.

— Тогда я советую задать более точный вопрос.

— Он умрет? Я проиграл?

— И да и нет.

— Ты без нужды загадочен.

— Ты сражается на войне судьбы. Ты двое

всего лишь агенты в этом конфликте. Из-за

высокомерия ты впустил Изначального Разрушителя, - другой коснулся камня души на шее при упоминании имени - по крайней мере, частицы его сущности в свою клетку и теперь оно в ловушке

вместе с твоей добычей. У Хаоса есть способ замутанить путь судьбы.

Другой рухнул в свое сиденье из кости. Его рука дрожала, когда он почувствовал, что защищает

анонимность их святилища начала разрушаться.

Изможденное лицо посмотрело на Прорицателя запавшими глазами.

- Когда оно найдет нас?

- Скоро.

Сантар узнал воинов, просачивающихся сквозь терцающий энергетический щит.

Нозади Железных Рук лежали разорванные тела эльдар вместе с обломками их орудийных

платформ. Воины во главе с Сантаром глубоко вклинились во вражескую оборону и были на

пороге штурма непосредственно щита. Он сиял перед Морлоками, как лазурное солнце. Сантар

почти ощущал электрический привкус на своем языке. Жар щита вызывал у него желание

заслонить глаза, но он подавил порыв. Осталось преодолеть последнюю преграду.

Похожие на призраков эльдары не казались нематериальными, как это было в долине.

Облаченные в доспехи цвета кости и сжимающие изогнутые визжащие клинки, они атаковали

Железных Рук сквозь щит. Их адские вопли обрушились на Морлоков губительным потоком.

Сантар закричал сквозь стиснутые зубы: —
Держаться!

Каждая его кость вибрировала. Стиснутые зубы скрежетали. Еще одна атака и они раскроются.

- Я могу кричать громче, - заверил он воина, напавшего на него.

Сантар сделал шаг вперед и перешел в атакующую позицию.

Его толниевый коготь разрубил теч воина и вонзился в его грудь. Перешагнув через труп чужого, он встретился с другим.

Тот нанес диагональный удар, нырнул под контрвыпад и развернулся у незащищенного бока

Первого капитана.

Сантар вздрогнул, когда заряженный энергией клинок рубанул по спине, но не смог пробить его.

Неизящный удар локтем сломал эльдару ключицу. Нисходящий удар разрубил быкеноса, но

Сантар пошатнулся, когда второй напавший запрыгнул ему на спину. Он отвернулся голову от

адского вопля и потянулся, чтобы сбросить его, когда тот дернулся и упал.

Ноголовы и шлем исчезли, уничтоженные разрывным снарядом.

Символ Таркана один раз тигнул на
ретинальном тактическом дисплее.

По радиосвязи раздался голос снайпера: --
Слава Гргону.

Сантар покончил с тем, кому сломал
ключику, припечатав его безжизненное
тело бронированным

ботинком. Затем он вытер вытекающую
из носа кровь и коротко отсалютовал
Таркану, зная, что

тот увидит. Неспособные отвлечать и
стаковать, как в пустынной долине,
призрачные воины

обнаружили, что Морлоки крепче в
открытом бою. Здесь сплоченность
Железных Рук имела

большее значение, чем быстрота.

Слева Сантар увидел, как Десаан
отбросил плечом чужого в воздух, заметил
поднял болтер

оставшейся рукой и продырявил его,
прежде чем он приземлился искромсаным
трупом. Сантар

посчитал, что заметил след улыбки,

когда его глаза ненадолго встретились с
взором боевого
брата.

Десаан застонал.

- Как стрельба по дискам.

- Театральность не принесет тебе никакой пользы, брат-капитан... за исключением

преждевременной могилы. Убивай их быстро. Не давай пощады.

- Возмездию придется подождать, - отвётил Десаан. - Кажется, все твои враги терпты.

Тела чужих устали землю, тогда как потери среди Железных Рук были минимальны. Они

обескровили эльдаров, но приближались новые, прыгая сквозь энергетический щит с атлетической

и спертоносной грацией.

- Вот твой шанс, - сказал Сантар. Он наклонился к голосовому усилителю на горжете и

проскрежетал приказ, который прогремел

по боевой линии. — Соткнутся. Вместе, как железная стена.

Под ногами ощущались подземные отголоски боевых зарядов Рытана. Зарегистрированные на ретинальном дисплее Сантара сейстические всплески подтвердили это. В том же момент, в углу его зрения вспыхнул синхронизированный хроно.

— В атаку! — закричал он.

С обеих сторон к нему присоединились Морлоки, их доспехи «Катафракт» касались друг друга, плечо к плечу.

Призрачные воины разбрелись с противостоящую им неумолимую стену из черного керамика.

Некоторые сражались и добились небольших успехов, и Сантар позже вспомнил павших, но сплотившихся терминаторов было не остановить. Они прокатились по элите

эльдаров несгибаемой волной. Зажатым тежду энергетическим щитом, который позволял им пройти только

в одну сторону, и наступающими легионерами, чужим некуда было бежать, и их расстреляли.

Находящиеся за их спинами эльдари ответили сильным, безжалостным огнем из орудийных платформ.

Артиллерийские удары обрушились на Морлоков. Терминатор, возможно Кадор, упал на спину.

Другому, Сантар не мог сказать кому, пробило грудь, и он упал. Остальные продолжали идти под обстрелом.

- Легкий дождик, - сказал Десаан, едва слышавший сквозь штурм.

- У нас меньше минуты, брат, - сказал ему Сантар.

- Более чем достаточно, Первый капитан.

Продвигаясь вперед, Морлоки добрались до потрескивающего края щита.

Эльдары внутри него отступили, но продолжали вести огонь. Сверху стреляли орудия Рүумана и танки армейских дивизий.

Кто-то еще скрывался за терциающей пеленой — эльдары в тантиях и с загадочными посохами.

— Разрушить его! — заревел Сантар, сражаясь с ионизированной пульсацией энергетического щита.

— Бейте по нему из всего, что у вас есть. Громовые молоты и силовые булавы, эвисцераторы и комби-болтеры обрушились на поле раскаленной лазури. Сильно колыхнувшись, щит согнулся, но не лопнул.

Хроно на ретинальных дисплеях всех ветеранов Железных Рук достиг нулевой отметки.

Конец отсчета предвещала серия глубоких, подземных взрывов, которые раскололи поверхность

внутри щита. Это последовательно детонировали снаряды минометов-кротов. Когда паутина, сплетенная эльдарами вокруг узлов, разорвалась, вверх поднялась ударная волна. Серия тельчайших помех пронеслась по изгибу щита, от чего он задрожал, один раз вспыхнул и затем исчез.

Сантар первым пересек его границу.

- Бей их! Слава Гргону!

Ворвавшись на орудийные платформы, Морлоки едва обратили внимание на сильный обстрел, который вели по узлу танковые дивизионы. Даже без защиты щита костяное сооружение было крепким, но по всей его длине начали появляться трещины.

Это была бойня, эффективная, а не кровожадная, но все равно бойня.

Из свалки вышел воин с потрескивающим кривым течом. Сантар встретил его полниевыми

когтями, но почувствовал сжатие в первом механизмах бионической руки, когда наносил

смертельный удар. Его следующее движение тоже было медленнее обычного, словно он

преодолевал силу инерции или воздействие высокой гравитации. Так же вели себя ноги.

Он вспомнил фигуры в тантиях. Их окружала группа тяжеловооруженных воинов чужаков.

- Десаан, ты все еще видишь? - спросил Сантар. Со всех сторон к ним приближались враги,

размахивая пиками и клинками: толпа эльдаров в панцирной броне и группа странников в плащах, с которыми Железные Руки сражались раньше. Один из них сделал выпад энергетическим копьем в Сантара, который едва увернулся. Схватив древко, он подтащил воина к себе и стял лицевую

пластину кулаком. Тело обмякло и

затихло, но эльдар оставил отметину на
боку Первого капитана.

- Слишком близко.

Другой нацелил сюрикенное копье в его
тело и расколол дешаль доспеха. Сантар
рубанул когтем и
убил противника, но почувствовал то же
сопротивление, которое замедлило его
несколькими
секундами ранее.

Распознав эти ощущения, он закричал: --
Десан, твои глаза?

- Мое зрение... не работает.

Вокруг узла клубилась тьма, закручиваясь
от его верхушки в грозовое облако.

Сантар задрал голову и увидел черное
облако, ползущее вниз по узлу в их сторону.

- Трон Земли...

Только не это...

Сантар знал, какую бойню тог устроит
шторм и его воздействие на железо. Он не
решился

предположить, сколько именно воинов

пострадают.

По его мнению, выбор был невелик.

— Всем ротам, прекратить наступление.

Сантар застыл, охваченный неуверенностью, так же как и его бионика, парализованная надвигающейся тьмой.

— Мы должны двигаться вперед, — передал по радиосвязи капитан Амтар. — Первый капитан, какие приказания?

Воспользовавшись передышкой, группа эльдаров в мантиях уже восстанавливала части щита. Он

рос позади Морлоков, как органическая энергетическая паутина. Снаряды и лазерные лучи

тяжелых дивизионов отражались от быстро восстанавливающейся завесы.

Десант схватил Сантара за плечо.

— Мы не можем оставаться здесь, Габриэль. Вперед или назад, выбирай?

Если они останутся, то могут

уничтожить узел, или, по крайне мере, убить колдунов, которые преобразовали щит, но при этом они рисковали быть истребленными от собственных или братских рук.

Клубы облака, предвестники темной пелены, приблизились на расстоянии в несколько метров к

Железным Рукам. Они извивались, как змеи.

Так близко...

— Ты видел, что оно сделало с нами в долине. — Сантар принял решение. Приказывал горечью, когда он произносил его.

— Отходите!

Отступление было медленным и изнуряющим. Легионеры боролись с механическими частями своих тел, и пытались остановить прямое неподвижение. Некоторые не справились и их тащили

боевые братья. По крайней мере, никого не поглотил штурм, это означало бы

смертный приговор.

Он бурлил на границе щита, укрыв то, что осталось от эльдаров внутри, но, не пробиваясь дальше.

Даже на расстоянии Сантар чувствовал силу влияния машинного проклятия. Его

пальцы

рассеянно коснулись ран на шее. Горжетка спас елею жизнь. Он по-прежнему чувствовал

покалывающий жар собственного толниевого когтя на коже и электрический запах в ноздрях.

- Итак, к кому теперь ты обратишься за помощью? - Десан снял визор и встал рядом с Первым

капитаном, оба офицера тесно взаимодействовали. Покрытое шрамами лицо Десана выглядело

хуже без металлического обруча, который он обычно носил поверх глаз; кожа была опухшей и

шероховатой. Он заново подсочинил визор

к паре черепных имплантов в висках, и
устройство

снова застремотало.

- Работаем прекрасно, - сказал он,
борясь обряды активации и чистоты.

- До тех пор пока ты за пределами
облака, - сказал Сантар.

Буря пульсировала и колебалась, как
темный океан, медленно и настениво при-
всей ее

кажущейся безбдности.

Сантар внимательно посмотрел на нее.
Он стоял в полукруге капитанов и их
заместителей, в то

время как остальной Легион, построенный
клановыми ротами, ожидал позади и
смотрел на

осажденных.

- Щит пробит и только частично
восстановлен, - сказал капитан Амтар.

Обстрел Рүтмана прекратился, и
Железнотелый присоединился к ним на
возвышенности, где по-

прежнему ждали части тяжелой

поддержки.

Сантар повернулся к нему.

- Твоя оценка, Эразм?

- Щит сооружен из кинетической энергии, но создан психически. Я только могу строить теории, есть ли у ксеносов некая форма генератора, связанного с их психическими талантами, или другая необъяснимая технология. Как ты уже видели, его можно пробить, но только исключительными усилиями.

Десаан нахмурился.

- А что с облаком? Как ты прорвешься сквозь него?

Рүуман обратил свой холодный взгляд на него.

- Не попав под воздействие отказа механизмов, ты не сможешь.

- Думаешь, они смогут поддерживать его бесконечно? - спросил капитан Медузон.

Десаан посмотрел во тьму, но не нашел бреши и признаков слабости.

- Если наш Железнотельный прав, ты не можем наступать, пока штурм продолжается.

Суставы Сантара затрещали кибернетическим резонансом.

- Мне бы очень хотелось вызвать «Железный Кулак» и стереть это место с лица земли.

- Тогда сделай это, Первый капитан, -- сказал Медуён. - Ты можешь отвести наши силы и найти необходимое укрытие в пустыне.

Рүтман покачал головой.

- Не выйдем. Сенсоры не смогут преодолеть психический щит эльдаров в этом месте. Ты скорее уничтожим себя, чем сравняет узел.

Дессан потер подбородок и нахмурился.

- Щит прорван, но не разрушен. Оборона чужих сильно ослаблена. Если ты сможешь доставить воинов за пелену, чтобы убить тех, кто ее создает...

Хенрикос шагнул вперед, вмешавшись.

- Я могу проникнуть за эту занавесу.

Десаан сердито взглянул на него.

- У тебя просто талант вмешиваться, брат-сержант.

Хенрикос ограничился кивком в качестве извинения.

Сантар прищурился.

- Я слушаю. Как ты войдешь в штурм, брат? Если только не хочешь умереть от собственного

тече?

- Потому что воину из плоти нечего бояться штурма.

Хенрикос показал обрубок, который остался после отсечения бионической руки.

- Все в порядке, - сказал он быстро. - Я могу сражаться без нее.

На сержанта обратились тяжелые, укоризненные взгляды.

- Ты бесчестишь Железную Веру, - сказал Сантар. - Этот механический имплантат часть ритуала.

Он делает нас теми, кем ты есть.

- И то, кем ты есть, убивает нас, первый капитан. Я предлагаю другой подход.
- За который ты получишь строгий выговор.
- Я понесу любое на твое усмотрение наказание.

Сантар свирепо взглянул, борясь с желанием вынести наказание немедленно.

- Даже если это смерть?
- Я могу проникнуть за занавесу. - Хенрик был стоек.
- Один? - Сомнением спросил Амтар.
- Нет, ни один, - ответил Сантар, когда увидел группу ветеранов Армии, приближающуюся к собранию офицеров Железных Рук. Они выглядели возмущенными в присутствии громадных воинов и держались вместе.

Сантар подавил презрение и попытался убедить солдат в детях перед собой.

Их командиром был седовласый полковник саваанских масоников, который подобно службе

преклонил колени перед Железными Руками. В отличие от некоторых более нервных подчиненных он не дрожал.

Десаан сердито посмотрел на него с громадной вершины своего госпеха «Катафракт».

— Назови себя.

— Лорды, — обратился человек, у него был скрипучий голос от чрезмерного курения или просто из-

за возраста. — Я — маршал Ворти Салазариан 254-й дивизии савасанских масоников, и я служил

Великому Крестовому походу и вашему Лорду Горгону четыре десятилетия.

Десаан коснулся платинового штифта в черепе человека.

— Не говори мне о службе, старик. Что ты знаешь об этом?

Амтар скрестил свои огромные бионические руки, а Медузон просто нахмурился. У каждого из них был платиновый штифт и каждый

сражался дольше, чем большинство людей жили.

К его чести, полковник Салазарян не торгнул. Ни разу.

— Я не хотел оскорбить. Мы последует вместе с сержантом Хенрикосом в штурм,

— сказал он,

облизав губы, чтобы уменьшить сухость во рту. Этот эффект вызывало у людей присутствие

костодесантников. — Если вы позволите нам, мы сделаем это. Для нас это было бы честью.

Десаан сердито взглянул.

— Плоть слаба, — сказал он, но Сантар поднял руку, призываая к тишине.

Ветераны Армии выглядели худыми и слабыми, даже седой полковник, но шельдары тоже, а они оказались опасными.

Медленно покачав головой, Десаан сказал:

— Они сломаются, а ты в придачу потеряешь одного из своих.

- Хватит, - сказал Сантар, разглядывая преклонившего колени человека. Он приказал ему встать.

- Я не король, а ты не мой подданный. Встань.

Кивнув на Десаана, Сантар спросил полковника: - Он прав? Вы сломаетесь? Салазарин расправил плечи и выпятил челюсть.

- Позвольте нам доказать нашу значимость. Ты не подведет, тицорг. До этого момента ты выдерживали.

- Небольшое количество простых людей смогут справиться с этой задачей, - сказал Хенрикос.

Синевато-серые глаза Сантара встретились со взглядом сержанта.

- Я знаю, что люди близки тебе, сержант. Я понял это, когда ты докладывал о состоянии дивизий

Армии. - Он замолчал, посмотрев сначала на штурм, а потом на ветеранов Армии.

Лучше сделать и позже попросить

прощения, чем быть парализованным нерешительностью.

Он слышал раньше это от Ферруса Тануса. Сантар очень хотел попросить его совета прямо

сейчас. Так как он не мог, то спросил: — Ты ручаешься за этого человека и его воинов?

— Я умру, если они подведут, — сказал Хенрикос.

— В этом ты прав, — сказал ему очевидной угрозой Сантар. — Найди шабаш или что там еще

используют эльдары, чтобы поддерживать этот шторм, и уничтожь его. Мы пойдем следом и

истребим все, что останется. Задача поставлена, брат. Все, что тебе нужно сделать — следовать ей.

Хенрикос отдал честь и отправился собирать остальных масонитов.

После того, как он ушел, Дессан покачал головой.

— Безрассудная стелость убивает воинов

быстрее болтера и клинка. — Он указал на край шторма.

— Эти люди умрут там. И Хенрикос тоже.

Сантар смотрел на зловещую черную тучу, представив, что она смотрит в ответ сознанием хищника.

Когда они отступали, когда ее щупальца приблизились с изящной неумолимостью плавущего

тумана, он почувствовал сокрушительную тяжесть в груди, словно его конечности увязли в

феррокристе тетровой толщины. Они все это ощутили, каждый из них, кто был в значительной части машиной.

В его распоряжении вся их сила, тощие Легиона, и все, что они могли — это смотреть.

— Тогда я надеюсь, они умрут достойно и принесут нужную жертву. Но я обещаю тебе. Так или

иначе, ты сокрушил узел. Горгон пожелал это.

• • •

Холодный камень леденил лицо. Струйка воды из какого-то подземного ручья увлажнела губы и привела в чувство.

Оцепеневший и хмельной от яда, Феррус перевернулся на спину и заслонил.

Он никогда не чувствовал такую слабость.

Он не мог вспомнить, как потерял сознание. Это могло случиться по дороге с бойни.

Попытка встать вызвала адский шум, обрушившийся на его разум. В ушах гремела кровь. Держась за голову и торщась, он встал на одно колено.

Его конечности налились свинцом, из-за чего он стал вялым и медлительным. Сокрушитель

Накованен выполнял роль костиля. Оказавшись в лабиринте, он уже дважды

использовал его в
такой постыдной роли. Этот факт не
нравился притарху, который снова изучил
окружающую
обстановку, как только встал.

К счастью змей или кем он там ни был,
исчез. Пропали даже звуки его
присутствия, и их сменила
ужасная тишина. Феррус сомневался, что
выжил бы, встретив его в этот момент. Он
снова смог

подняться на ноги, не говоря уже об
оружии.

Он похлопал по эфесу Дракена.

- Спасибо, брат.

Но здешний был трак. Теперь он снова видел
даже бойню и задумался, как долго шел
далеко блуждал в

бреду. Впереди тоже была темнота, но с
крошечной точкой света, ведущей его как
таяк через

штурм. Ферруса влечет водоворот мыслей.
Что сказала тварь?

Ангел Экстерминатус.

Феррүс понял слова, но не их смысл.
Размыщление о них причинило ему боль и
вызвало стыдное
чувство плачени, проникшее в его
сознание.

Вместе с движением начала
возвращаться его сила. В том месте, где
расплывалось живое
серебро, рука все еще болела, но не так
сильно. А вот шея чертовски чесалась, и он
заподозрил, что тварь нанесла вторую
рану, пока он был без сознания. Но когда он
коснулся кожи под

горжетом, она оказалась целой.

Подавив раздражение, Феррүс медленно
побрел к точке света.

Возможно, это был очередной обман,
какая-то новая пытка проверить его. Но
Феррүс должен

понять ее цель. Он подумал, что если
враги хотели убить его, то уже сделали
бы это или, по

крайней мере, старались бы сильнее и

более открыто. Ксеносы, особенно эльдары, были

загадочныи и непостоянныи, даже для выдающегося ума притарха. Их мотивация была

непонятна ему. Существо, которое охотилось на него, не было змеем, оно было чем-то более

порочным, чем-то первобытным и, как он подозревал, не полностью сотворено его пленителями.

Оно хотело убить его. Горгон чувствовал весь его гнев, его садистское желание, сосредоточенное

на Феррусе. Когда они сражались, притарх почувствовал это, но желание было зачаточным,

словно само существо только частично сформировалось.

Феррус не знал, что это значило. Единственное, в чем он был уверен, что тварь не умерла и

вернется за ним. Каким бы ни был изначальный план эльдаров, он знал, что

должен будем убить

ее, чтобы спастися.

Пройдя через точку света, которая расширилась в яркую трещину, чтобы пропустить его, Феррүс набрался решимости для предстоящей битвы.

Ему не пришлось долго ждать.

Ряд грандиозных, триумфальных арок вел к длиной дороге. Они представляли собой огромные

разрушенные ворота, открытые для возможного проникновения. По их краям тянулись почерневшие от огня камни, от которых были отколоты уродливые куски.

Трещина света закрылась за его спиной, не оставив видимого выхода.

Как он и ожидал, эта арена должна стать последней.

Феррүс чувствовал себя гигантом, идущим по величественному, но разрушенному дворцу в

миниатюре. Когда он тянулся дорогу

разрушенные врата, то вошел в
вестибюль. Даже

уменьшеннный в масштабе приемный зал
был огромен и замыкал бы гиганта. В нем
преобладали

готические архитектурные украшения, но
они были холодны и строги, наводя на
мысли об

ущедшей славе и культивном застое.
Вдоль стен тянулись черепа, как части
некой огромной

усыпальницы, зловещую планировку
которой наполняло трачное настроение.

Здесь, в этом

памятнике разложению и бесконечного
упадка, богатство давно уступило
ветхости.

Когда Феррис прошел по миниатюрным
плитам, примарх понял, что это не
приемный зал и никогда
им не был.

Это была гробница.

А в конце потрескавшегося пространства
стоял громадный трон, не совпадающий по

тасиумабу с

осталыныи гвборцом и покрытый тонкой
наутиной и многовековой грубой патиной.

На нем сидел истощенный король.

Король застыя, повелитель загнивающей
империи, его мантия превратилась в
плохоть, а тело - в

лишенные плоти останки. Он не носил
короны, и только последнее болезненное
выражение

неосуществленной мечты застыло на его
лице.

Король возывался над Феррусом, глядя
вниз бездонными глазницами.

Последний шипящий вздох сорвался с губ
ожившего монарха и вызвал нервный тик
ужаса на лице

притарха.

Ожидая, что выходец с того света
поднимется, он сделал шаг назад.

Только после того, как вздох замянулся
натного дольше, чем следовало, Феррус
понял, что дышал

не король, а кто-то еще, придавая труп

тнитое звучание.

Из тайного убежища под погнуткневшим
троном первого короля выползал змей.

Голова была поднята, в то время как
остальное тело извивалось внизу,
поддерживая ее. Бока

покрывало зеркальное серебро. Глаза —
зеленовато-желтые круги разложения,
рассеченные

черными, тонкими как кинжалы
зрачками. Ненависть выделилась в
пьянящий тускус, который
опьянял чувства примарха.

Он потянулся за Сокрушителем
Наковален, но змей бросился на него
быстрее ртути, и Феррус

был вынужден схватить его челюсти,
прежде чем они соткнулись вокруг горла.

Горячая и зловонная слюна, с привкусом
кислоты, брызнула в лицо примарху, и он
зарычал.

Сражаться с этим зверем было то же,
что и цепляться за жидкость, но Феррус
прижал его к земле

и сомкнул руки вокруг шеи, прежде чем змей смог вырваться. Яростно извиваясь, тварь оторвала

притарха от земли и впечатала в нее. Челы боли пронзили его спину и плечо. Шея словно

собиралась треснуть, когда жгучая рана вокруг шеи, которая не была раной, запылала подобно адскому пламени.

— Я — Горгон! — закричал он. — Я — притарх! Его голова ударила о что-то твердое, и темные искры вспыхнули на краю зрения.

В глазах

покраснело, но Феррус держался.

Он держался и давил.

Несмотря на ярые усилия змея, Феррус медленно сжимал свою хватку. Он задушит его, раздавит

каждую частицу жизни в змее, пока тот не станет холодным и неподвижным.

Затем он разтожет

его череп в багровую пасту.

— Вернулся из преисподней... — выпалил он.

- Тебе следовало оставаться терптым,
Асирном...

Ведь кем еще он мог быть, как не
воплощением той самой ужасной твари?

Голова змея повернулась... повернулась
так, что должна была сломать свою шею в
железной

хватке притарха. Губы, которые не
должны были ити быть, разомкнулись.
Человеческие и

знакомые глаза, рассматривали его. Грифа
сползла по его спине, когда благородное и
патрицианское лицо проявилось в прежде
змеиных чертах.

- Я, - сказал он без намека на шипение, - я
не... - голос был телодиным и мягким, -
Асирном...

Феррус знал это, как и знал голос и лицо
перед собой.

Это был идеальный убийца,
сверхъестественно быстрый и
нечеловечески сильный. Только другой
притарх мог победить его.

Только другой притарх...

Он ослабил хватку, и вспышка трансформации спешала облики человека и твари. Ряд влажных от слюны клыков пронзили десны, существо глотало кровь, одновременно сильно меняясь. Тёплые и братские глаза сузились в желтые порезы. Чешуйчатая плоть подобно заразе покрыла нижнюю часть шеи и скапы.

Подавив тошноту, Феррүс усилил хватку. Глаза примарха и змея расширились с жуткой синхронностью, когда шея твари медленно стялась. Она боролась. Она хотела жить, воплотиться, но Феррүс убьет ее. Он покончит с нею голыми руками.

— Ты — не он, — сказал он сквозь сжатые зубы.

Последний тучительный скрежет, наполовину змейный, наполовину человеческий, выскользнул изо рта змея и том стал неподвижным и безжизненным.

Еще раз надавив, пока не почувствовал, что его суставы могут сломаться, Феррүс отпустил

чудовище и оно скользнуло на землю.

Из глотки притарха вырвался долгий, судорожный выдох и он пропер глаза, словно отгоняя дурной сон.

Тревога обратилась в гнев. Феррүс вытащил Сокрушитель Наковален и сделал то, что обещал. Он продолжал быть целую минуту, пока боль в руках и плечах не заставила его остановиться. Когда

он закончил, от твари мало что осталось — только красное пятно. Притарх тяжело дышал, а с

бровей стекали бусинки пота. Он почувствовал на пылающей коже холода испарения, и это

ощущение не покидало его до самого трона.

Разъяренный Феррүс бросился к трону короля, снянул его одной рукой с трона и

ударом о землю

разбил на кусочки костей.

- Твое правление закончилось, - сказал он ему, после чего отложил толото и схватил обеими

руками подлокотники трона. Феррүс вырвал трон с основания и обнаружил светящийся дверной

проем. Отбросив в сторону сломанное кресло, он шагнул через портал и приготовился встретиться со своими тучителями.

То, что он увидел, не оправдало его ожиданий.

Перед ним вращалась сфера из планет и звезд, замкнутая в бесконечном пространстве, которое

не имело ни измерения, ни предела, ни видимых границ. Эффект был ошеломляющий.

Взгляд притарха привлекла главная планета, расположенная среди четырех других в системе

звезд и безжизненных лун. Мир был

черным, и Феррүсү это напомнило черные
пески под ногами,

который сопровождал его большую часть
путешествия. Затем, словно гигантская
небесная спичка

или след метеора ударила по поверхности
тира, воспламенив его. Огонь превратился
в огромный

пожар, накрывший все континенты и торя,
окутав их подобно свету губительного
солнца. Только

когда преобразование завершилось, Феррүс
понял, что это было совсем не солнце, но
пылающий

красный глаз с черным зрачком.

Картина изменилась, и он увидел, как
вокруг пылающего тира выросло медленно
движущееся

кольцо из черного железа, которое
удерживало платя на месте, пока к нему
не присоединилось

второе кольцо из кобальта. Хотя глаз
яростно пытал, он не смог выскоить из
объединенных

металлических колец, направленных
обуждать его. Солнце потускнело и наконец
потухло, оставив

тир черным и безтолвым.

Феррис потянулся, чтобы коснуться
сферы, но серебряная рука прошла сквозь
нее, разоблачив
иллюзию, которая исчезла как дым в
мгновение ока.

— Что это? — выпалил он. — Новые знаки,
новые игры?

— Это не игра, — произнес низкий, немногос-
телодичный голос.

Феррис повернулся лицом к своему
поработителю, сжимая в руках
Сокрушитель Наковален.

— Это будущее. Твое будущее, — сказал
Эльдар. — Если захочешь, оно им станет.

Чужой был в одет в разноцветную
тканью. Тайные знаки были вшиты в
переливающуюся ткань,
висели на тончайших цепочках и
блестящих бриллиантовых нитях. Эльдар
не носил шлема и

таски, демонстрируя узкое лицо с высокими складами и острый как нож подбородок. Странные татуировки покрывали его кожу и череп, с которого ниспадали длинные золотистые волосы. В

тиналевидных глазах, которые рассматривали притарха, сверкали бездонная тщедальность и непредсказуемый интеллект, а также страх.

— Ты на распутье, Феррус Манус. Твой нынешний путь ведет к смерти, а другой к выживанию и великим изменениям в галактике, — сказал эльдар. — Ты не понимаешь, насколько ты важен.

Он развел руки в жесте тирана и товарищества.

Все, что видел Феррус — это ксеноса-обманщика.

— И ты ждешь, что я поверю тебе, тварь? — Он говорил прямо и невозмутимо. Не осталось ни

следа от прежнего несдержанного гнева.

— Я предлагаю тебе надежду. Я предлагаю ее галактике, — попросил эльдар. — Ты можешь изменить все.

На лице Ферруса появилась улыбка, но она была пустой. Плечи эльдара поникли, когда он увидел это.

— Я знаю, что утру, — сказал примарх, — также как знаю свое место и долг. Не имеет значения, произойдет ли это на каком-то темном тире, который я никогда не видел, или на скалах самой Медузы. Я король-воин, чужак, но также кое-кто еще. Человек. И в отличие от вас, эльдаров, люди

не покоряются судьбе. — Его глаза вспыхнули огнем. — Ты творит ее.

— Ты заблуждаешься...

— Нет, это ты совершил ужасную ошибку, заманив меня в эту ловушку, — сказал Феррус, взмахнув

Сокрушителем Наковален. Засохшая кровь

змея слетела с обуха, выбывав ощущение
грядущих

событий. — Еще большей ошибкой было
показаться мне.

— Пожалуйста, я предлагаю жизнь... —
сказал чужой.

— Ты предлагаешь клетку предсказанной
судьбы, — прорычал Феррүс. — Это твой
последний

отчаянный гамбит, — сказал он и
атаковал.

— Послушай меня, — закричал эльдар,
отступив и сформировав психический щит
для своей защиты. —

Так не должно было случиться. Не
ногдавайся яости.

— Я и есть яость, — заревел примарх. — Я —
король-воин, рожденный из крови битвы!

Ни один сформированный разумом щит не
столкнулся с яостью перед разрушительной
яостью.

Сокрушителя Наковален, когда им
орудовал его хозяин. Защита была разбита
и психические

осколки вонзились в эльдара так же
болезненно, как и клинки. Он отпрыгнул и
тетнул запрещенную

толнию, которую Феррус отразил
наплечником. Озоновый запах наполнил его
ноздри, но это его
не остановило.

Рев Гргона сжимал ткань созданного
вокруг него мира, психическое эхо гнева
раскальвало ее по
швам.

- Ступи на мое место!

Помеющий, истекающий кровью и
охваченный страхом эльдар сбежал через
трещину в
фальшивой реальности.

Феррус бросился вперед, пытаясь
проскользнуть через тот же проем, что и
эльдарский колдун, но
ореол идеального света отбросил его.

- Ступи на мое место!

Слова растянулись в бесконечность, когда
его окутал свет, заглушая чувства, пока
они не исчезли.

Пока тьма не поглотила их, вырывав ю

Феррүса ощущение вечного падения.

• • •

Последняя ведьма из шабаша соскользнула с его тече, оставив полосу чужацкой крови на клинке.

Несмотря на ее смерть и медленное затухание шторма, Бион Хенрикос знал, что он покойник.

Из шести тысяч ветеранов, которых он повел в темноту, осталось едва восемьсотен. Они

окружили Железнорукого, раненый полковник Салазариан стойко бился рядом с ним, несмотря на

кровь в легких. Артейский командир прищурился одним глазом — второй был выбит эльдарским

ножом — и понял, что они побеждены.

Впервые за час Салазариан перестал выкрикивать приказы своим людям.

Хенрикос понял его внезапный фатализм.

— Вы вернули нам достоинство и честь, — сказал полковник, — и я благодарен вам за

это, тиlord.

Пронзительный вор. Стремительное
перемещение воздуха и брызги горячей
жидкости на его лице

сказали Хенрикосу, что старик терпел
раньше, чем он увидел зияющее отверстие
в груди ветерана.

Салазарин повалился с застывшими
глазами на руки Железнорукому, который
бережно опустил
его на землю.

Штурм убывал, но его трак рассеивался
медленно. Братья не доберутся до него
вовремя. Люди

гибли в большом количестве, так как
эльдары дрались до последнего. Они тоже
умирали, но не

собирались делать это одни. Ксеносы
хотели голову костодесантника. Они
хотели Биона

Хенриcosa.

- За Горгона! - закричал он, оставив свой
тедужанский клинок в земле, чтобы
извлечь болт-

пистолетом. Снаряды разлетелись веером, оставляя в воздухе огненный след дымной вспышки. Они

поразили чужих, и те умерли в агонии. Выстрел в голову сразил командаира, чья сабля выглядела

такой же стремительной, как и ее хозяин.

- За Гор...

Что-то поразило Хенрикоса в шею, возможно сюрикен из эльдарского энергетического арбалета.

Он захрипел, чувствуя, как она горит. Полсекунды спустя его бедро пробил лазерный луч. Он

зашатался, с его изуродованной руки упал боевой щит. Сержант попытался зажать рану на горле

обрубком кисти, но бесполезно. Следующий луч пронзил его тело где-то между грудью и плечом.

Упав на одно колено, Хенрикос выпустил неприцельную очередь.

На его ретинальном дисплее ярко и настойчиво горели предупредительные

символы. Он сорвал

шлем, чтобы избавиться от них.

Закрыв глаза, Хенрикос приготовился к концу. Его плеча коснулась рука, и он снова открыл их.

- Для тебя война еще не закончилась, Железнорукий, - сказал голос из льда и пламени.

Гигант перед Бионом Хенрикосом был облачен в угольно-черный доспех. Его тощные руки

терцали блестящим серебром, которое струилось подобно ртутти. Каменные глаза сурько

рассматривали его, а толото в руке мог расколоть горы.

Феррис Танус вернулся и эльдары бежали.

- Штурм закончился, брат, - сказал примарх и протянул руку. - А теперь стань со мной, чтобы увидеть его конец.

Хенрикос услышал, как приближается осталенный Легион сквозь пласти и дымитвы.

Сантар и Морлоки оказались первыми рядом с притархом. Им трудно было сдержать радость при виде Отца. Их болтеры и клиники поковали.

Узел пал быстро, хотя многое из того что произошло, размылось для Хенрикоса. Он отнес

Салазариана к своим позициям. Вместе с ним вернулись едва три сотни ветеранов.

Позже их почитают за роль в битве и признают приемными сыновьями Медузы. Они станут первыми

воинами Цепной Вуали, ее капитанами, и живым доказательством того факта, что с этого дня не

всякая плоть слаба.

Сантар нашел Горгона на краю поля битвы, стоящего над Бионом Хенрикосом.

Вернувшись тело полковника Салазариана, сержант потерял сознание от своих ран.

— Он выживет, — сказал Горгон, — но ему понадобится больше аугментики.

— Это его право. Железные Отцы

присмотрят за ним, — ответил Сантар.

Я собирался наказать

его за критику Железной Веры.

— Ты по-прежнему должен сделать это.

Сантар задумался над этим, но его отвлекли другие мысли.

— Что случилось?

— Это не имеет значения, — тихо сказал Феррүс. Его настроение неожиданноожесточилось, и он

встретился с вопрошающим взглядом Первого капитана. — И ничего не изменит.

Примарх подозвал одного из легионеров и тот установил на земле гололитический проектор.

Железные Руки получили сообщение, что Саламандры обнаружили второй «основной» узел в

джунглях. После победы в пустыне, Феррүс решил встретиться с братом.

— Мы уходим? — спросил Сантар, когда гололит ожила зернистым конусом серого света.

— Да. Собери Морлоков и скажи им, что

ты направляется в джунгли. — Тонкая
улыбка выдала
радость притарха. — Мой брат нуждается
в нас.

Когда Феррис начал переговоры с
Вулканом, Сантар выполнил приказ, но,
несмотря на
возвращения повелителя, он не мог
избавиться от чувства, что не все в
порядке. Все, что
случилось за время отсутствия Горгона
оставило неизгладимый след, который
отразится в
будущем. Возможно, в будущем каждого из
них.

• • •

Окostenевшие дороги, которые вели из их
защищенного святилища, были
небезопасны, но другого
выбора не было. Частичка злобного
сознания, которое проникла в псевдомир
Ламсариала была
мертва, убитая Горгоном.
Пройдут тысячелетия, прежде чем она

сможет вернуться.

Ламсариал пошатывался, и Прорицатель помогал ему идти. Невежественное существо, которое он пытался спасти, ранило его. Отчаяние и тьма вытекали из него психическим потоком, который привлечет других хищников. Им необходимо быстро найти безопасное место.

— Я потерпел неудачу, — простонал он, полностью опустошенный. — Я позволил начаться войне, которая обескровит нашу и так малочисленную расу.

Внимание Прорицателя сосредоточилось на паутине вокруг них. Его чувства реагировали на любую трещину, любой на вид незначительный разлом. Многие субтиры уже были поглощены и еще больше ждет то же самое, когда начнется война, которую Ламсариал так старался

предотвратить.

Это было неизбежно, и поэтому настроение Прорицателя было оптимистичным.

— Ты не мог предотвратить эту войну, —
сказал он, открывая новый канал в

костяной дороге,

которым редко ходили и поэтому он был
безопасен. — Исцеляющее тесто близко.

Ламсариал не ответил. Прорицатель был
безумшен.

— Люди близоруки, — сказал Прорицатель.

— Даже те, кто считает себя великими,
как Горгон. Его

железные ноги прикованы к его судьбе и
смерти.

— Но он приговаривает не одного себя, но
галактику. Ты, которой предназначено
гореть в огне.

Холодный свет отмыл их, когда они,
наконец, нашли исцеляющее тесто.
Прорицатель посадил

Ламсариала на плиту из кости и
предложил ему отдохнуть.

Когда другой прорицатель
вернулся к своему видению будущего.

Трижды он

видел, как раскрывается одна и та же
вероятность. Это, само по себе, было
поразительно.

— Есть надежда, — пробормотал он. — В
империи Боеvого Царя, он объявил
наследника. Даже если

Горгон погибнет и не примет во внимание
наше предупреждение, есть другой, кто
выслушает, том, кто сбился с пути.

• • •